

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

СУРИНА Анна Павловна

МАРКЕРЫ РЕНАРРАТИВА В РАЗНЫХ ТИПАХ УСТНОЙ РЕЧИ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель: д. ф. н, проф.

Н. В. Богданова-Бегларян

Рецензент: д. ф. н., проф. В. В. Наумов

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

4

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено описанию единиц устного дискурса (*маркерам ренарратива*, или *ксенопоказателям*¹), вводящим в повествование *чужую речь*². Существует довольно много литературы о таких маркерах (см., например: Баранов 1994; Арутюнова 2000; Левонтина 2010; Падучева 2011). Однако в большинстве этих работ слова типа *мол* исследуются на материале письменных текстов, и лишь иногда отмечаются особенности употребления данных единиц в устной речи. Такая диспропорция в изучении литературно-письменного языка и естественной речи кажется не вполне справедливой. Несмотря на то что изучение живого языка осложнено некоторыми факторами (это и его диффузность и изменчивость, и сложности в сборе материала, и невозможность учесть все экстралингвистические факторы, влияющие на речь человека), его изучение является не менее важной задачей, чем изучение языка письменного. Разговорная речь (а за ней и язык, хоть и в меньшей степени) постоянно меняется, и важной задачей, встающей перед лингвистами, является наблюдение над процессом этих изменений и их фиксация.

Класс слов, передающих чужую речь (ЧР), представлен в словарях и грамматиках довольно скромно. Выделяются обычно три частицы, которые обозначают «субъективную передачу чужой речи» (*Грамматика...* 1960: 645), – это *мол*, *де* и *дескать*. Но в реальности ЧР зачастую вводится в текст не только с их помощью. Поэтому одной из основных задач настоящего исследования стало установление максимального широкого круга лексических средств, с помощью которых говорящий маркирует какое-то высказывание как чужое.

---

¹ В настоящей работе эти термины используются как синонимы. Подробнее вопросы терминологии будут рассмотрены ниже в разделе «К вопросу о терминологии» (п. 1.2.4).

² Отметим, что понятие *чужая речь* условно: оно обозначает не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» (Левонтина 2010: 284)

Объектом настоящей работы является, таким образом, устная спонтанная речь, представленная **материалом** устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и двумя блоками Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ): «Один речевой день» (ОРД) и Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ).

Предмет настоящего исследования – функционирование в живой устной речи лексических средств, вводящих чужое высказывание.

Целью работы является анализ функционирования слов типа *мол* в разных типах русской устной речи и систематизация полученных результатов. Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- обзор литературы по маркерам ренарратива;
- описание различных способов введения в текст чужой речи;
- обзор терминов, связанных с пересказывательностью (*ксенопоказатель, маркер ренарратива*);
- создание пользовательского корпуса материала;
- функционально-семантический анализ употреблений единиц, выступающих как маркеры ЧР, в монологической и диалогической речи;
- установление различий в семантике и употреблении разных маркеров ренарратива;
- дифференциация старых, недавно появившихся, и уже уходящих из употребления ксенопоказателей;
- систематизация результатов проведенного анализа и классификация единиц, маркирующих чужую речь;
- проверка употребительности исследуемых единиц в текстах письменной речи;
- социолингвистический анализ употребления ксенопоказателей.

Для решения поставленных задач в работе были использованы

следующие *методы*:

- описательный;
- сопоставительный;
- метод сплошной выборки;
- простые количественные подсчеты.

Научная новизна исследования состоит в том, что по его итогам класс единиц, выполняющих функцию маркеров ренарратива, значительно расширяется за счет материалов устной спонтанной речи. Кроме того, в рамках данной работы впервые сделана попытка выявить зависимость употребления маркеров типа *мол* от гендерных и возрастных характеристик говорящего.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью исследования и описания класса ксенопоказателей на основании не только письменных, но и устных материалов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в следующем: полученные в ходе данной работы результаты могут быть использованы в лексикографии для более точного семантического и функционального описания единиц типа *мол*, кроме того, созданная классификация может быть полезна при исследовании других единиц такого рода. Полученная классификация и выводы, сделанные на основе функционально-семантического анализа, могут также помочь при преподавании русского языка (в том числе и как иностранного) в обогащении речи учеников.

Структура данной работы такова:

- 1) *введение*;
- 2) *теоретическая глава*, в которой дается описание спонтанной речи в сравнении с другими формами бытования языка, сопоставляются монологическая и диалогическая формы речи;

рассматриваются вопросы соотношения маркеров ренарратива и категории эвиденциальности, а также вопросы терминологии;

3) *практическая глава*, в которой анализируются кодифицированные и недавно появившиеся ксенопоказатели, сравнивается их употребление в монологах и диалогах и приводится классификация исследуемых единиц; помимо прочего, в этой главе производится анализ употребления ксенопоказателей с учетом гендерных и возрастных характеристик говорящего;

4) в *заключении* обобщены полученные результаты и намечены перспективы продолжения исследования в данном направлении;

5) списки использованных сокращений, научной литературы и словарей.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на следующих конференциях:

- XVI Невские чтения «Язык в современном информационном пространстве: проблемы, поиски, решения» (Санкт-Петербург, апрель 2014 г.);
- XVIII Международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2015 г.);
- XIV Международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2016 г.).

Результаты работы отражены в следующей *публикации* автора:

- 1) Сурина А. П. Лексические средства введения чужой речи в устное высказывание // XVI Международная научная конференция студентов-филологов. Секция «Лексикология и стилистика русского языка». Тезисы. – СПб., 2014. – С. 51.

ГЛАВА 1

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Устная речь как объект лингвистического исследования

Для того чтобы понять, что такое *устная спонтанная речь*, необходимо рассмотреть отношения между компонентами в ряду оппозиций: *язык и речь*, *речь устная и речь письменная*, *устная разговорная речь – просторечие – литературный язык*. Только понимая все различия между этими явлениями, можно дать определение устной спонтанной разговорной речи, выявить ее главные черты и факторы, влияющие на нее порождение.

1.1.1. Язык – речь

Ф. де Соссюр был, как известно, первым, кто развел понятия *язык* и *речь*. Благодаря его «Курсу общей лингвистики» *язык* понимается сейчас как «система объективно существующих, социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовое звучание, а также как система правил их употребления и сочетаемости» (Арутюнова 1998: 414). *Речь* же – это «реализация языка, который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» (там же). «Речь конкретна и неповторима в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка; она актуальна, язык же потенциален; будучи событием, действием, речь развертывается во времени и реализуется в пространстве, язык же отвлечен от этих параметров мира; <...> речь активна и динамична, система языка в большей мере пассивна и статична; <...> речь субъективна, являясь видом свободной творческой деятельности индивида, язык – достояние пользующегося им общества, он объективен по отношению к говорящим; <...> речь контекстно и ситуативно обусловлена, язык независим от обстановки общения; <...> речь отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности, к языку истинностная оценка неприменима» (там же).

Однако у *речи* есть ряд характеристик, не противопоставляемых языковым: темп, продолжительность, тембровые особенности, степень громкости, артикуляционной четкости, акцент и др. Речь может быть охарактеризована также через личностные характеристики человека: его психологическое состояние, отношение к собеседнику, искренность и т. д. Важнейший признак речи – это ее индивидуальный характер. Он проявляется в том, что говорящий передает свои мысли и чувства, для выражения которых он самостоятельно выбирает средства.

Но несмотря на очевидную полярность этих явлений, язык и речь «тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку» (Сосюр 2004: 57). Именно из индивидуальных отклонений в речи проистекают изменения в языке: «Язык одновременно и орудие, и продукт речи» (*там же*). Однако речь должна оставаться понятной для слушающего, поэтому в ходе речевой коммуникации язык выступает в качестве некоторого ограничителя возможных изменений.

1.1.2. Речь устная – речь письменная

Коммуникативная функция языка проявляется как в *устной*, так и в *письменной* его форме. У речи всегда есть адресат, реальный или виртуальный. Адресатом может быть даже сам автор речи.

Характерные черты *устной речи*, в отличие от *письменной*, таковы:

- избыточность (наличие повторов, уточнений, пояснений);
- использование невербальных средств общения;
- экономия речевых высказываний, эллипсисы.

Устная речь всегда обусловлена речевой ситуацией. Выделяют разные виды *устной речи*:

- *неподготовленная* (беседа, выступление в дискуссии) и *подготовленная* (лекция, доклад и т. п.); «Неподготовленная устная речь самоорганизуется в процессе порождения» (*Звуковой корпус...* 2013: 27), в то время как речь письменная неподготовленной быть практически не может: текст – как правило, это результат «подготовки» речи³;
- *диалогическая* (обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами) и *монологическая* (вид речи, обращенной к одному или группе слушателей, иногда – к самому себе). «Письменная речь преимущественно монологическая» (*Сиротинина* 1969: 381), в то время как устная, как правило, *диалогическая*. Хотя иногда встречается и *монологическая* устная речь: в развернутых репликах диалога, в рассказах на бытовые темы и т. п. (*Звуковой корпус...* 2013: 79).

1.1.3. Диалог – монолог

В данной работе сравнивается функционирование маркеров ренарратива в монологе и в диалоге, поэтому имеет смысл прежде всего описать основные черты данных типов речи.

По мнению Т. Г. Винокур, *монолог* – это «форма (тип) речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие» (*Винокур* 1998б: 310). Монолог обычно представляет собой довольно большой по объему текст, состоящий из связанных друг с другом высказываний и имеющий определенную композиционную и смысловую завершенность. «Степень проявления этих признаков зависит от жанровой (художественный монолог, ораторская речь,

---

³ Последнее время, впрочем, все активнее говорят о письменной спонтанной речи, которую можно видеть, например, в частной переписке, личных дневниках, разного рода записках, мемуарах и под. видах текстов, а также в современном Интернет-языке и СМС-переписке: см. об этом, например: *Адмони* 1994; *Лебедева* 2000, 2001, 2003, 2006 а, б, 2007; *Лебедева и др.* 2001; *Богданова* 2004; *Сухотерина* 2004; *Тюкаева* 2005; *Юркевич* 2006, 2007, 2011; *Зырянова* 2009; *Плаксина* 2009; *Литневская* 2010; *Золотова* 2011; *Зализняк* 2013; *Евграфова* 2014; *Тесленко* 2014; и мн. др. Данная позиция основывается на выделении такого вида речевой деятельности, как *естественная письменная речь*, для которой характерны письменный способ воплощения, спонтанность, непрофессиональность исполнения, неофициальность сферы бытования, отсутствие промежуточных инстанций (корректоров, редакторов и пр.) между отправителем и реципиентом.

бытовой рассказ и пр.) и от функционально-коммуникативной (повествование, рассуждение, убеждение и пр.) принадлежности» (Винокур 1998б). Монологам свойственны сложные предложения (Щерба 1957: 115). Монологическая речь часто описывается через ее противопоставление речи диалогической, и наоборот. Однако многие исследователи отмечают, что монологическая речь иногда приобретает черты диалога, становится «диалогизированной» (Земская 1979; Винокур 1998б). В ней появляются такие признаки диалога, как обращения, риторические вопросы и др. – все это помогает говорящему повысить активность адресата.

Диалогическая речь, как определяет ее Т. Г. Винокур, это «форма речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» (Винокур 1998а: 135). Реплики собеседников обычно довольно краткие и соотносятся друг между другом по содержанию. Для устной речи, к которой генетически восходит диалог, характерен *принцип экономии усилий* (короткие формы: *зачетка, Публичка, Гостинка*; упрощенные синтаксические конструкции: *набери мне = набери телефонный номер, чтобы позвонить мне*; эллиптичность: *я – домой*; фонетическая редукция слов и словосочетаний: *ваще = вообще, чек = человек, чесслово = честное слово*)⁴. Л. В. Щерба также отмечал, что «репликам свойственны и всевозможные фонетические сокращения, и неожиданные формообразования, и непривычные словообразования, и странное на первый взгляд словоупотребление, и, наконец, всякие нарушения синтаксических норм» (Щерба 1957: 115).

Одной из главных отличительных черт диалога является его привязанность к ситуации общения. Так, после вопроса *Сколько времени?* вполне может прозвучать *Не открывай форточку, дует* – это реакция не на

---

⁴ Примеры взяты из: *Звуковой корпус...* 2013: 26.

поставленный вопрос, а на действие собеседника. Из-за ситуативной обусловленности могут нарушаться композиционная цельность и внешняя логика диалога. Например, чтобы понять следующий диалог, нужно представлять себе, в какой ситуации общения он был произнесен: *Сюда! – Сырку?* (говорящие идут мимо магазина). *Математика когда? – Последняя пара* (разговор студентов о расписании лекций) – понимание данных диалогов невозможно без знания о принадлежности говорящих к определенной социальной группе и о контексте разговора⁵.

Как отмечает Л. П. Якубинский (*Якубинский* 1986), существуют крайние случаи монолога и диалога (речь на митинге VS быстрый отрывистый разговор на бытовые темы). Для них характерны: а) «длительность и обусловленная ею связанность, построенность речевого ряда; односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику; наличие заданности, предварительного обдумывания и пр.» – для монолога и б) «сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой; обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания; компоненты не имеют особой заданности; в построении реплик нет никакой предумышленной связанности, и они в высшей степени кратки» – для диалога (*там же*: 26). Однако между двумя этими полюсами находится целый ряд промежуточных случаев, в которых с разной степенью интенсивности проявляются черты то монологической, то диалогической речи (например, беседа об отпуске или снах, в которую каждый говорящий включает свою небольшую историю-монолог). Такой тип речи Л. П. Якубинский называет «монологическим диалогом» (*там же*: 26).

В настоящей работе важно разделение материала на монолог и диалог, поскольку представляется, что использование ксенопоказателей характерно

---

⁵ Примеры взяты из: *Винокур* 1998б: 135.

в большей степени для диалогической речи, а в монологах эти единицы встречаются лишь тогда, когда монолог включает в себя черты диалога.

1.1.4. Устная разговорная речь – просторечие – литературный язык

Литературный язык – это «основная, наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» (Гухман 1998: 270). «Наддиалектность литературного языка, как правило, проявляется в постепенном обособлении от диалекта, т. е. в отказе от узкорегionalных признаков одного диалекта и в объединении черт разных диалектов» (*там же*). Следует отметить, что *литературный язык* и *язык художественной литературы* – это понятия не тождественные. Основным языком художественной литературы является литературный язык, однако в своих произведениях авторы часто используют и диалектные, просторечные элементы. Кроме того, *литературный язык* используется не только в литературе, но еще и в области публицистики, науки и т. д. В связи с этим некоторые исследователи считают более удачным термин *стандартный язык* (Поливанов 1931; Беликов, Крысин 2001: 42). Е. Д. Поливанов так объясняет значение данного термина: «понятие «правильности», или «стандартности», тех или иных языковых фактов (или диалектов в целом) фактически означает не более, не менее, как привычность этих языковых фактов (и их совокупности – в виде “стандартного” диалекта)» (Поливанов 1931: 59).

Литературному языку свойственны следующие черты:

- *кодифицированность* (литературный язык имеет свои нормы и правила употребления – все это отражается в словарях и грамматиках);
- *полифункциональность*, или поливалентность (заключается в том, что язык может обслуживать разные сферы человеческой деятельности:

законодательство, науку, образование, общение между людьми, творчество и т. д.);

- *общепризнанность* (вариант языка должен быть признан большей частью населения как литературный, или стандартный);
- *общепонятность* (языковая норма может меняться со временем, однако в основе своей литературный язык должен быть консервативен – именно это служит залогом понимания между разными поколениями, и именно это создает возможность формирования единой многовековой национальной литературы);
- *социальная престижность* (литературный вариант языка является наиболее авторитетным, на него ориентируются все говорящие) (Виноградов 1978; Беликов, Крысин 2001: 39-45; Вахтин, Головкин 2004: 44-45).

Литературный язык может реализоваться как в письменной, так и в устной форме.

О. А. Лаптева так трактует понятие *разговорная речь*: это «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение...» (Лаптева 1998: 407). *Разговорная речь*, как и *литературный язык*, характеризуется наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью и многофункциональностью. Но для *разговорной речи*, в отличие от *литературного языка*, характерны:

- простые предложения,
- неполные предложения,
- фонетические сокращения,
- неожиданное формообразование или словообразование,
- нарушение синтаксических норм.

Литературный язык характеризуется в первую очередь нормативностью (Щерба 1957). Однако в лингвистике существуют различные трактовки того, как *разговорная речь* относится к *литературному языку*:

- одни исследователи отделяют разговорную речь от кодифицированного литературного языка и рассматривают ее как противопоставленный ему самостоятельный феномен (Земская 1979; Скребнев 1985);
- другие считают ее разновидностью литературного языка (Лантева 1976);
- третьи говорят о разговорной речи как об особом стиле литературного языка (Инфантова 1973; Сиротинина 1974).

В *разговорной речи* проявляются общие свойства *устной речи* (а именно: неподготовленность, линейный характер, ведущий как к экономии, так и к избыточности речевых средств, непосредственный характер речевого акта). Особенности *разговорной речи* связаны непосредственно с устным характером ее протекания: при убыстренном темпе речи происходит редукция безударных гласных, стяжение и выпадение звуков, упрощение групп согласных. «Возникают явления описательной и сокращенной номинации, особенности в функционировании отдельных частей речи и образовании отдельных форм, расчленения синтаксического целого (парцелляция, присоединение, антиципация, добавление темы-уточнителя), прерванные структуры, вопросно-ответные единства, повторы, стяжения, перифразы» (Лантева 1998: 408).

Разговорная речь исследуется, как правило, на материале аудиозаписей, так как в письменную речь не проникает большинство ее особенностей.

Просторечие – это «одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком; вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу

общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер» (Бельчиков 1998: 402). Однако, в отличие от говора и жаргона, *просторечие* является общепонятной формой речи для всех носителей языка. Функционально *просторечие* противопоставлено *литературному языку*.

Просторечие представлено на всех уровнях, начиная с фонетического (например, произнесение *кв́артал* вместо *квартáл*) и заканчивая лексическим (*ржать* в значении ‘смеяться’). Для просторечия характерно использование сниженных, экспрессивных, оценочных слов, у которых в *литературном языке* есть более нейтральные аналоги.

Существует и такое явление, как *литературное просторечие*. Это просторечие, употребление которого допускается в литературном языке, но только в рамках определенного стилистического «задания» (например, социально-речевой характеристики персонажа). Помета *прост.* в словарях означает, что языковая единица относится к литературному просторечию.

Таким образом, очевидно, что, несмотря на всю специфичность и «разнонаправленность» каждого из этих языковых явлений, они могут проникать друг в друга: например, просторечие может употребляться как в разговорной речи, так и в литературном языке. Элементы же литературного языка присутствуют и в разговорной речи, и в просторечии.

Объектом настоящего исследования является разговорная речь с разной степенью включенности в нее просторечия и литературного языка.

1.1.5. Естественность спонтанной речи

Е. А. Земская говорит о том, что функция разговорной речи заключается в обслуживании сферы неофициального, неподготовленного личного общения (Земская и др. 1981). Исходя из этого, можно выделить три основных критерия для оценки естественности, которые большинство лингвистов признает основными характеристиками разговорной речи:

- *непринужденность*,
- *неофициальность*,
- *неподготовленность* (Земская и др. 1981: 5).

Стоит отметить, что все эти критерии имеют разную природу: *непринужденность* – это критерий психологический, *неофициальность* – социальный, а *неподготовленность* – лингвистический (*Звуковой корпус...* 2013: 50). На основе экспериментальных данных (см. *там же*: 45-50) удалось выделить 4 степени естественности устной спонтанной речи:

1) *лабораторная речь*, записываемая в условиях звукоизолированного помещения, когда не только наличие диктофона, но и вся обстановка записи, а также наличие конкретного «речевого задания» определенным образом «напрягают» говорящего, что не может не отразиться на его речи;

2) *экспериментальная речь*, которая записывается на «территории информанта» (в «полевых условиях»: у него дома или на рабочем месте), что дает говорящему бóльшую свободу, но по-прежнему сковывает его присутствием диктофона и рамками определенного речевого (коммуникативного) сценария, заданного экспериментатором (того же «речевого задания»);

3) *естественная речь информанта* в проекте ОРД, проживающего свой «речевой день» «с диктофоном на шее»;

4) *максимально естественная речь коммуникантов* в проекте ОРД.

В Звуковом корпусе, ставшем одним из источников материала для настоящей работы, представлены три последних типа речи.

1.1.6. Спонтанная речь

В научной литературе уже выделены основные отличительные признаки *спонтанной речи*: заполненные и незаполненные паузы хезитации, предложения с незаконченной синтаксической структурой, оговорки

и самоперебивы, а также наличие, специфика и разнообразие вставных конструкций и др. (*Звуковой корпус...* 2013: 51).

Спонтанность речи часто связывают с ее неподготовленностью. Однако это не вполне справедливо. Даже подготовленная речь может стать спонтанной, если говорящий попадет в неожиданную, стрессовую ситуацию. Например, подготовленная речь лектора может стать спонтанной, если он вдруг обнаружит, что лекцию, которую он подготовил для студентов-старшекурсников, придется читать перед школьниками. Судя по всему, спонтанность зависит не столько от степени подготовленности речи, сколько от несоответствия речи – коммуникативной ситуации, в которую попадает говорящий. Это несоответствие может порождаться в том числе и личностью говорящего.

Какие же факторы влияют на спонтанность речи? Во-первых, это чувства говорящего. О влиянии чувств на речь свидетельствуют многочисленные примеры из Звукового корпуса русского языка (см., например: *Звуковой корпус...* 2013: 53-54). Во-вторых, это недостаток знания в какой-то определенной области. Человек обычно лучше говорит на темы, в которых хорошо ориентируется. В-третьих, это мировоззренческий конфликт (т. е. несогласие в оценке какой-либо ситуации или объекта и т. п.), возникающий у говорящего в ходе речевой коммуникации.

Однако необходимо учитывать, что «чувства и интеллект (т. е. 1-ый и 2-ой факторы. – А. С.) работают в едином комплексе. Возбуждения, возникающие в чувственной системе, осознаются человеком со всеми последующими переживаниями. Интеллектуальная деятельность переживается чувственно. Комплексное проявление спонтанности – качественно новый уровень, и он не подлежит редукции только до уровня чувства или интеллекта, т. е. не сводим к какой-то одной причине» (*Звуковой*

корпус... 2013: 55). Можно сказать, что на спонтанность речи влияют одновременно все три фактора, но с разной степенью интенсивности.

* * *

Исходя из всего вышесказанного становится понятна специфика исследуемого в настоящей работе объекта, то есть устной спонтанной речи, по сравнению, например, с письменной речью. Именно благодаря этой специфике можно увидеть некоторые различия в выборе средств, которые использует человек при передаче ЧР, в письменной и устной речи.

Далее в работе рассматриваются и другие способы передачи чужой речи, которые, как будет показано, зачастую употребляются параллельно с ксенопоказателями. Кроме того, будет дан обзор некоторых важных теоретических вопросов, связанных с рассматриваемыми в работе единицами.

2. Способы передачи чужой речи. Эвиденциальность и маркеры ренарратива

Обычно о передаче чужой речи говорят в рамках категории *эвиденциальности*. Как отмечает В. А. Плунгян, категория эвиденциальности представляет собой «набор грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации» (Плунгян 2003: 321). В русском языке данная категория не грамматикализована, поэтому эвиденциальное значение выражается лексически или синтаксически. К лексическим средствам можно отнести такие вводные слова, как *говорят, по слухам* и под., а также исследуемые в настоящей работе маркеры ренарратива. К синтаксическим – разного рода вводные предложения (например, *как принято считать*) и синтаксические конструкции, оформляющие пересказ чужой речи (см. о них ниже).

1.2.1. Нелексические способы введения чужой речи

Несмотря на то что объектом настоящего исследования являются маркеры ренарратива, интересно проследить особенности их употребления в сравнении с традиционными способами передачи чужой речи.

Можно выделить 5 способов, с помощью которых может передаваться чужая речь.

1. *Прямая речь* (ПР). С ее помощью передается «чужая речь, воспроизведенная дословно, с сохранением не только ее содержания, но и формы» (Валгина 2000: 134). Прямая речь может быть организована тремя различными способами:

- 1) слова автора – ПР (*Маленькая девочка бежала и кричала: «Не видали маму?»*);
- 2) ПР – слова автора (*«Как это скучно!» – воскликнул я невольно*);
- 3) ПР – слова автора – ПР (*«Скажи-ка мне, красавица, – спросил я, – что ты делала сегодня на кровле?»*): прямая речь может прерываться авторскими словами.

Прямая речь обычно передает:

- высказывание другого лица: *Пораженный, он спрашивал: «Но зачем же вы ходите на мои лекции?»* (М. Горький);
- слова самого автора: *Я говорю: «Что ему надобно?»* (И. С. Тургенев);
- невысказанную мысль (говорящего или другого лица): *Я только тогда выпрямился и подумал: «Зачем это отец ходит ночью по саду?»* (И. С. Тургенев) (*Звуковой корпус...* 2014: 44).

2. *Косвенная речь* (КР). По замечанию Н. С. Валгиной, это «чужая речь, воспроизведенная не дословно, а лишь с сохранением ее содержания» (Валгина 2000: 134). КР оформляется как придаточная часть сложноподчинённого предложения, главная часть которого

представлена словами автора (*Капитан приказал, чтобы подняли флаг*).

3. *Полупрямая речь* (ППР). Эта конструкция весьма характерна для устной спонтанной речи. ППР – это смешение прямой и косвенной речи. Несмотря на то что формально полупрямая речь оформлена как сложноподчиненное предложение, в ней «сохраняются все лексические особенности прямой речи, вплоть до экспрессивных и стилистических черт» (Богданова, Бродт 2008: 9; см. также: Крючков, Максимов 1977: 171172). Использование ППР в повседневной речи – довольно распространенное явление. Вот один из примеров из Звукового корпуса:

- *приходит одевает а у него ээ / манжеты и воротник не сходятся // он говорит что / что за черт вообще чт... что случилось* (САТ).

4. *Несобственно-прямая речь* (НСПР). Как и полупрямая речь, представляет собой промежуточную стадию между конструкциями прямой и косвенной речи. НСПР совмещает лексические и стилистические особенности прямой речи с употреблением третьего лица глаголов и местоимений, при этом ни графически, ни лексически чужая речь никак не оформляется (см.: Крючков, Максимов 1977: 173175). Выявлено два типа такой речи (Звуковой корпус... 2014: 48).

1) НСПР-реплика:

- *гордо подняв голову / он сделал первый шаг / **по-моему получается** // второй шаг / **тоже неплохо*** (САТ);

2) НСПР-диалог (обмен репликами):

- *Один толстый / лысый / и старый джентльмен пришел к врачу // я настолько себя плохо чувствую / я так устал / мне ничего не хочется вам необходимо отдохнуть // съездите в горы / покатайтесь на лыжах / у вас все пройдет* (САТ).

5. Тематическая речь (ТР). Выражает содержание прямой речи, однако её формальные характеристики не сохраняет. Обычно

тематическая речь является результатом компрессии: от высказывания остаётся только основная тема, его суть (см. о ней, например: *Милых 1975; Максимова 2005*). Выделяют 5 вариантов тематической речи (*Звуковой корпус... 2014: 48-50*):

1) конструкции с *объектным инфинитивом-дополнением*:

- *доктор же не найдя никаких отклонений / в состоянии его здоровья посоветовал ему отдохнуть // съездить на горнолыжный курорт / развяться / подышать воздухом (CAT);*

2) конструкции с *модальным глаголом и субъектным инфинитивом*, в которых передается «невысказанная мысль», обычно какое-то решение, самого говорящего:

- *и / ээ видит / женщину / на лыжах / горы / солнце / и по-видимому решает собраться в дорогу (CAT);*

3) конструкции с *отглагольным существительным*:

- *ну и в связи с чем порекомендовал / ему / ээ занятие / ээ физической культурой / особенно лыжами / на / горных курортах на / ээ свежем воздухе в солнечную погоду (CAT);*

4) *описание разговора*, без его передачи:

- *сначала туристический агент / ээ радостно / рассказывает / будущему клиенту / о / ээ пользе и здоровье наверное того отдыха который предлагает чч... / чьи услуги он представляет (CAT);*

5) *указание на речь*, без ее передачи:

- *он испуган / кричит / и в конце концов / срывается / с обрыва падает вниз (CAT);*
- *врач конечно эндокринолог // беседует с мужчиной страдающим избытком веса (CAT).*

Однако чужая речь может также маркироваться не синтаксически, а с помощью грамем и лексем, принадлежащих к категории эвиденциальности. Рассмотрим такие примеры в следующем разделе.

1.2.2. Категория эвиденциальности и способы ее выражения

Зачастую маркеры ренарратива описываются в рамках категории эвиденциальности, однако не все исследователи с этим согласны. В этой части работы попробуем разобраться в том, что такое эвиденциальность и стоит ли относить маркеры ренарратива к этой грамматической категории.

Категория *эвиденциальности* имеет сравнительно короткую историю: в отличие от других грамматических категорий, она была окончательно осознана лишь к 60-м годам XX века, тогда же появилась и одна из самых важных работ по этому вопросу: статья Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (Якобсон 1972). Именно под влиянием этой работы термин «эвиденциальность» стал общепринятым. Р. О. Якобсон определяет это понятие следующим образом: «Эвиденциальность можно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность» (там же: 101). В этой статье Р. О. Якобсон не только закрепляет за эвиденциальностью функцию указания на источник информации, сообщаемой говорящим, но и находит новой категории место в ряду других глагольных категорий. Более того, в статье отмечается, что в рамках данной категории могут быть описаны такие разнородные языки, как, например, язык североамериканских индейцев и болгарский. С момента

выхода этой статьи можно отсчитывать начало типологического изучения эвиденциальности.

Впоследствии интерес исследователей к категории эвиденциальности сильно возрастает: в 1986 году выходит сборник «Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology» под редакцией W. Chafe и J. Nichols (*Evidentiality...* 1986), в котором предлагается классификация эвиденциальных значений, построенная в основном на материале языков Северной Америки. Следующее десятилетие было посвящено изучению эвиденциальности в европейских языках (подробнее об истории изучения эвиденциальности см.: *Плунгян 2011б*: 338-349). Сейчас эвиденциальные значения вполне могут рассматриваться как элемент универсального грамматического набора⁶ (*Плунгян 2003*: 321).

Как было сказано выше, *эвиденциальное значение* указывает на источник, из которого говорящий получил информацию о том или ином событии, или на способ ее получения. В том или ином виде категория эвиденциальности существует во многих языках мира: в болгарском, например, данная категория бытует в языке наравне с другими глагольными категориями (такими как время, вид и др.), то есть, употребляя ту или иную форму глагола, говорящий тем самым сообщает, как была получена информация о конкретной ситуации; в русском же эвиденциальное значение не грамматикализовано, то есть говорящий может указать на источник своих сведений, но только если посчитает это необходимым (ср.: *на моих глазах, говорят, по слухам* и под.).

---

⁶ *Универсальный грамматический набор* – это набор грамматических категорий, общих для всех языков мира. Посредством этих грамматических категорий объясняются категории мышления (*Бокадорова 1998*: 536). Подробнее об этом см.: *Плунгян 2011а*.

Система эвиденциальных значений предполагает различение источников информации о ситуации:

- прямая / косвенная информация (зависит от того, имел ли говорящий прямой доступ к ситуации),
- непосредственная / опосредованная информация (имел ли говорящий личный доступ к прямому или косвенному источнику информации о ситуации).

Всякая прямая информация является непосредственной, однако непосредственная информация может быть не только прямой, но и косвенной (например, если говорящий не видел пожара, а сделал вывод о том, что он был, по обгоревшим бревнам на месте дома) – см. рисунок 1.

Рис. 1. Типы и соотношение источников информации

<i>Прямая информация</i> (‘говорящий наблюдал ситуацию’)	<i>Косвенная информация</i> (‘говорящий не наблюдал ситуацию’)
<i>Непосредственная информация</i> (‘говорящий имел личный доступ к фактам’)	<i>Опосредованная информация</i> (‘говорящий не имел личного доступа к фактам’)

Наиболее распространены такие типы эвиденциальных систем, в которых маркируется только какой-то один тип информации. Это может быть, например, опосредованная информация (т. е. полученная говорящим через третьих лиц); в этом случае в глагольной системе имеется показатель *цитатива*, или *ренарратива*, как его еще называют (характерно для эстонского, латышского, лезгинского и др. языков). Или же в глагольной системе может маркироваться только косвенная информация (т. е. то, что говорящий не был свидетелем конкретной ситуации). В этом случае в языке

имеется граммема так называемой *заглазности* (этот русский термин используется в (Кибрик 1977), его называют также *индирективом* или *медиативом*). Как отмечает В. А. Плунгян, зачастую «граммемы заглазности несут в таких (эвиденциальных, маркирующих косвенную информацию. – А. С.) системах сильную дополнительную модальную нагрузку, выражая значение вида ‘говорящий не берет на себя ответственность за истинность передаваемой информации’ или ‘говорящий не утверждает, что передаваемая информация истинна’ (курсив автора. – А. С.)» (Плунгян 2003: 323). Похожее значение выражает русское *будто бы*. Маркирование «косвенной» эвиденциальности свойственно турецкому, армянскому, тюркским, многим дагестанским и иранским языкам.

Показатели косвенной эвиденциальности обычно имеют два типа контекстных значений: а) *инферентивное* – ‘говорящий наблюдал не саму ситуацию, а ее результат’ и б) *цитативное* (или *ренарративное*) – ‘говорящий знает о ситуации от третьих лиц’. В болгарском языке существуют и граммемы со значением сомнения или предположения. Для показателей эвиденциальности в болгарском характерна также дополнительная эпистемическая модальность ‘говорящий не гарантирует достоверности сообщаемого’. Использование таких форм обязательно для любого рассказа об исторических событиях (кроме художественных исторических романов), за исключением абсолютно достоверных (Плунгян 2003: 324).

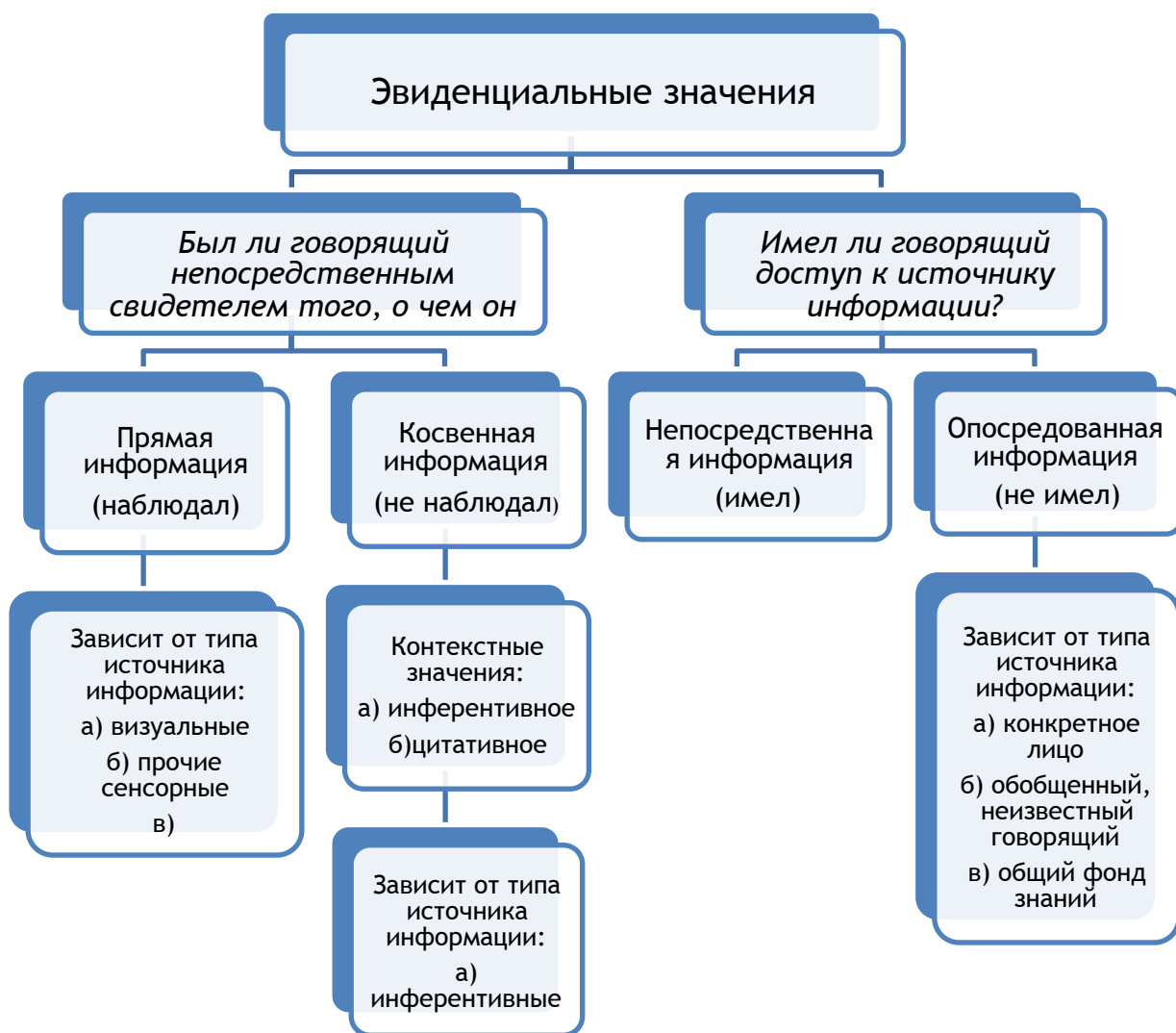
Косвенные источники информации могут быть также *инферентивными* (говорящий судит о ситуации исходя из ее результата) или *презумптивными* (знание о ситуации основано на логических соображениях говорящего). Так,

например, фраза *Здесь, похоже, кто-то побывал*, произнесенная при виде взломанной двери, должна будет сопровождаться показателем инферентивного значения, а высказывание типа *Дети, должно быть, уже дома*, произнесенное при взгляде на часы, будет содержать показатель презумптива (так как вывод был сделан на основании знания говорящего о привычке детей в определенное время быть дома).

Что касается прямых источников информации, то они могут подразделяться на *визуальные* (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), прочие *сенсорные* (говорящий воспринимал ситуацию с помощью слуха, обоняния и т. п.) и так называемые *эндофорические*: граммы этого типа маркируют внутренние ощущения говорящего (страх, голод, намерения и т. п.).

Опосредованную информацию можно дифференцировать по грамматическому признаку: могут различаться средства передачи слов конкретного лица (*Х сказал, что...*), обобщенного или неизвестного говорящего (*говорят, слышно*) и сведения из общего фонда знаний (*как известно*): это сведения, которые являются так называемыми «общими истинами».

Надо иметь в виду, что приведенный список значений не является конечным и может быть детализирован еще больше. Перечень всех вышеупомянутых эвиденциальных значений см. на рисунке 2.

Рис. 2. Эвиденциальные значения

Более подробно о системе эвиденциальных значений см.: *Козинцева 1994; Плунгян 2003: 321-325, 2011б: 349-359; Каксин 2014.*

1.2.3. Принадлежат ли маркеры ренарратива к категории эвиденциальности?

Исследователи маркеров ренарратива до сих пор не пришли к единому мнению о том, принадлежат ли рассматриваемые ими единицы к категории эвиденциальности. Можно разделить этих исследователей на три группы в соответствии с занимаемой ими позицией по данному вопросу:

1) вообще не соотносят такие частицы, как *мол*, *де* и *дескать*, с эвиденциальностью (*Колодезнев 1969, Баранов 1994, Арутюнова 2000*);

2) рассматривают данные частицы в контексте категории эвиденциальности (*Козинцева 1994, Левонтина 2010, Копотев 2014,*);

3) считают, что частицы типа *мол* не обладают эвиденциальным значением (*Плунгян 2008, Падучева 2011*).

Рассмотрим каждую точку зрения (за исключением первой, которая не представляет интереса в рамках настоящего исследования) подробнее.

В статьях и Н. А. Козинцевой (*Козинцева 1994*), и И. Б. Левонтиной (*Левонтина 2010*) говорится о том, что слова типа *мол* относятся к категории эвиденциальности, однако ни в одной из этих статей данное утверждение никак не объясняется. М. В. Копотев считает, что маркеры ренарратива обладают цитативным значением (оно же ренарративное, разновидность эвиденциального значения), но подробнее эту мысль также не развивает. Однако нужно учесть, что ни один из вышеупомянутых исследователей не ставит своей целью рассмотрение проблемы отношения маркеров ренарратива к эвиденциальности, в то время как исследования их оппонентов специально посвящены этому вопросу.

В своей статье «О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы и другие*» В. А. Плунгян так пишет о сложности причисления ксенопоказателей к категории эвиденциальности: «Общая проблема, которая возникает при анализе такого рода лексических показателей, выражающих значения из универсального грамматического набора, состоит в том, что значения лексических единиц оказываются гораздо богаче и, если можно так выразиться, непредсказуемее, чем значения грамматических единиц. Поэтому попытки описать семантику лексических показателей с помощью того набора ярлыков, которые используются для описания грамматических единиц, обычно оказываются непродуктивными, так как приводят к слишком большой схематизации и обеднению реальной картины» (*Плунгян 2008: 1*).

Действительно, можно согласиться с В. А. Плуногяном в том, что семантика лексем гораздо сложнее значения грамматических единиц и невозможно при анализе конкретных лексических показателей ограничиться исключительно значением из универсального грамматического набора. Однако этот факт не исключает того, что среди множества оттенков значений в слове может содержаться и эвиденциальный компонент. Эвиденциальное значение может не отражать всего спектра возможных значений ксенопоказателя, однако его присутствие в семантике слова возможно.

В современном русском языке главным компонентом семантики частицы *мол*, как считает В. А. Плуногян, является идея приблизительного пересказа, *дескать* – это интерпретация первоначального текста, *де* – ироническая оценка. Таким образом, основное значение данных ксенопоказателей характеризует не источник информации о некоей ситуации, а способ цитирования текста, т. е. «способ преобразования исходного текста в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего» (*там же*: 13).

В. А. Плуногян отмечает также, что в ходе своего исторического развития класс ксенопоказателей претерпел некоторые изменения: если сейчас основное значение русских маркеров такого типа все же модальное (в том смысле, что они характеризуют субъективную позицию говорящего относительно пересказываемого текста), то приблизительно до конца XIX века преобладало эвиденциальное значение. Как предполагает В. А. Плуногян, эвиденциальный компонент значения ксенопоказателей вытеснялся модальным постепенно.

Это наблюдение является интересным и отчасти справедливым, однако, вероятно, правильнее было бы говорить, что эвиденциальное значение частиц типа *мол* со временем «обрастает» модальными значениями, а не заменяется

ими. Тем более, как показывает В. А. Плунгян в другой своей работе, «эвиденциальная семантика в них (в показателях косвенной засвидетельствованности, коими являются и показатели ренарратива. – А. С.), как правило, не отделена от модальной семантики» (Плунгян 2011б: 352). Возможно также, что значение эвиденциальности ушло на второй план, однако представляется, что говорить о полной ее замене модальным значением, по крайней мере на данном этапе развития русского языка, еще рано. Рассмотрим несколько примеров.

- (1) *Легенды / опять же / народные говорят / что через наш край проходили и даже татаро-монгольские войска / когда шли на Владимир / что якобы вот в том месте / где щас посёлок Черусти / попали эти войска в такое топкое болото / что не смогли дальше двигаться в этом направлении / махнули рукой и сказали / «Здесь чаруса» / а «чаруса» / это на тюркском языке «болото» обозначает топкое. И свернули / повернули в обратную сторону / и вот / дескать / с тех пор эта местность называется Чарус / и Черусть / как вот мы щас говори (УП НКРЯ);*
- (2) *нет / я слышал / что его дескать(?) уже сняли (ОРД).*

В обоих примерах явно присутствует ренарративное значение: в первом случае это отсылка к тексту легенды, во втором – к словам третьих лиц. В примере (1) *дескать* обладает как пересказывательным, так и модальным значением (есть эпистемический компонент: то есть говорящий не уверен в истинности передаваемой им информации). Причем маловероятно, что говорящий сознательно интерпретирует текст легенды (напомним, В. А. Плунгян считает, что основной семантический компонент *дескать* – интерпретация первоначального текста) – скорее всего, он передается довольно точно. Однако уже в примере (2) видно, что *дескать* выражает исключительно эвиденциальное значение. Эта частица отсылает к чужой речи и при этом, по-видимому, не выражает никакой оценки говорящего: ни по отношению к пересказываемому тексту, ни по отношению к человеку, чью речь он пересказывает. К тому же чужая речь здесь, по-видимому, не

подвергается никакой интерпретации говорящим (ср. также: *Ну мы-то понимаем / что все ушли / а декану мы этого не можем сказать / что / дескать / все ушли*). Так как существуют контексты употребления маркера *дескать* и без модальности, то можно сделать вывод, что она не входит в основное значение данной частицы. Как отмечает В. А. Плунгян, основное значение *мол* – приблизительный пересказ, однако в материале настоящего исследования встретились и такие контексты, в которых *мол* выступает как показатель субъективной интерпретации чужих слов:

- (3) *Сам Горбачёв говорит / «Меня неправильно поняли». Мол / я не имел в виду / это у нас исполнительные люди* (НКРЯ);
- (4) *Евросоюз как бы «прикрывает» такой подход / заявляя о том / что правозащитная проблематика внутри Евросоюза решается и рассматривается вполне удовлетворительно / поэтому / мол / вы как бы не вмешивайтесь* (НКРЯ).

Как видно из примеров (3) и (4), *мол*, так же как и *дескать*, может вводить интерпретацию чужой речи. А в примере (4) присутствует еще и дополнительная модальность (неодобрительная оценка). Таким образом, если в ряде случаев исследуемые частицы могут заменять друг друга, то нельзя говорить об их строгой семантической и функциональной дифференциации.

В. А. Плунгян довольно подробно проанализировал частицы *мол*, *де*, *дескать* и *якобы* и пришел к выводу, что «ни один из этих показателей не указывает – в качестве своей основной функции – на источник сведений о сообщаемом говорящим факте» (в то время как для показателей эвиденциальности это основополагающая функция. – А. С.): они, скорее, «отсылают к некоторому исходному тексту (курсив мой. – А. С.), но этот текст вовсе не обязательно является “чужим”, <...> их спецификой является способ сообщения о фактах» (Плунгян 2011б: 12-13). И с этим действительно сложно спорить. Тем более если учитывать факты употребления маркеров

типа *мол* в контексте пересказа говорящим собственной речи (в таком случае уже нельзя говорить о том, что информация получена от третьих лиц). В. А. Плунгян отмечает интересную особенность: «Они (ксенопоказатели. – А. С.) имеют цитатную (не «цитативную» в терминологическом смысле!) природу, но сама эта цитатность не связана прямо с разграничением “своего” и “чужого”» (*там же*: 12). Таким образом, если В. А. Плунгян прав (а строит свои доказательства он довольно убедительно) и ксенопоказатели на самом деле не маркируют тот факт, что информация известна говорящему от третьих лиц, а намекают на существование какого-то первоначального текста, который просто пересказывается в конкретной ситуации, тогда эвиденциальное значение приписывают им несправедливо. Однако, чтобы добраться до истины, нужно провести тщательный анализ употребления МР, сопоставив их с уже общепризнанными лексическими средствами передачи эвиденциального значения (слова типа *говорят, слышно, по слухам* и т. д.). Кроме того, необходимо провести сравнительный анализ употребления ксенопоказателей – с употреблением показателей эвиденциального значения в других языках. Пока же мы в настоящей работе будем считать слова типа *мол* носителями эвиденциального значения, хотя и с некоторыми оговорками.

1.2.4. К вопросу о терминологии

Сама природа такого явления, как маркеры ренарратива, очень сложная, так как подобные частицы выражают, как правило, целый комплекс значений и оттенков значений, который не может быть отражен в полной мере в рамках одного термина. Возможно, именно поэтому в научной среде пока не существует емкого и точного термина для обозначения частиц типа *мол*. Ниже будут проанализированы термины *ксенопоказатель*⁷ и *маркер*

---

⁷ Термин *ксенопоказатель* используется в (Арутюнова 2000; Плунгян 2008; Левонтина 2010).

*ренарратива*⁸, встречающиеся в работах, посвященных исследованию таких частиц, как *мол*⁹.

Традиционно принятый термин *ксенопоказатель* был предложен Н. Д. Арутюновой в ее статье «Показатели чужой речи де, дескать, мол» (Арутюнова 2000). *Ксенопоказатели* понимаются автором как «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» (там же: 437), основная функция которых «состоит в маркировке присутствия Другого» (там же: 448).

Данный термин имеет свои преимущества и недостатки. *Мол* и подобные частицы часто указывают не только на передачу речи, но и на передачу предположительных мыслей другого человека, а также на интерпретацию жеста или поведения. *Ксенопоказатели* не имеют значения *показатель чужой речи*: это скорее показатель «чужого» вообще. В этом смысле данный термин удачнее термина *маркер ренарратива*, который указывает именно на то, что пересказывается речь.

С другой стороны, внутренняя форма термина *ксенопоказатель* вводит в заблуждение: указание на принадлежность речи или мыслей Другому, является не вполне удачным, так как частицы типа *мол* маркируют пересказ не только чужой речи, но и слов самого говорящего, сказанных ранее или планируемых на будущее. При использовании данного термина приходится все время оговариваться, что под словом *чужая* подразумевается также и своя собственная речь, а это очень неудобно: мы привыкли, что термины должны быть емкими и точными.

Термин *маркер ренарратива* отсылает нас к эвиденциальности, что является минусом для тех, кто не относит его к данной категории. Однако

---

⁸ Термин *маркер ренарратива* используется в (Коптев 2014).

⁹ Применительно к частицам типа *мол* встретился также термин аппроксиматор-репортатив (Подлеская 2017). Он подчеркивает, что исследуемые частицы являются маркерами приблизительного пересказа. Но, исходя из нашего материала, значение приблизительности реализуется не во всех контекстах с ксенопоказателями, поэтому данный термин не в полной мере подходит для настоящего исследования.

в настоящей работе мы придерживаемся обратного мнения, поэтому считаем эту отсылку еще одним достоинством данного термина. Кроме того, еще одним доводом в пользу термина *маркер ренарратива* является его унифицированность по отношению к таким терминам, как *маркер-аппроксиматор*, *маркер старта*, *маркер конца* и др. Таким образом, *маркер ренарратива* прекрасно встраивается в уже существующую терминологическую систему (см. например: *Богданова-Бегларян 2015*).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о некоторой несостоятельности обоих этих терминов: ни один из них не отражает с терминологической точностью природу таких слов, как *мол*, *дескать*, *де* и др. И хотя *маркер ренарратива* представляется более удачным, невозможно отрицать условность употребления обоих терминов, рассмотренных выше. Таким образом, не вдаваясь в подробности семантического различия данных терминов, в данной работе мы будем использовать их как синонимы.

***

В связи со всем вышесказанным анализ корпусного материала представляется очень важным, так как он дает более полную картину всего разнообразия значений ксенопоказателей, а также позволяет проследить динамику изменения этих значений. Материал устного (речевого) корпуса позволяет проанализировать разные виды значений, приобретаемые частицами типа *мол* в живой речи, и, как следствие, проследить тенденции развития значений *маркеров ренарратива* в речи письменной. Этому и посвящена следующая глава работы.

ГЛАВА 2

АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ КСЕНОПОКАЗАТЕЛЕЙ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

2.1. О пользовательском корпусе материала

Для удобства работы с примерами из разных корпусов для настоящего исследования было решено создать собственный пользовательский корпус. Он представлен в виде базы данных, включающей сам пример высказывания, данные об информанте (пол и возраст), сферу употребления (повседневная, публичная речь, речь из транскриптов кинофильмов), тип речи (монолог или диалог), а также корпус-источник (УП НКРЯ, ОРД, САТ) (см. фрагмент этого подкорпуса на рис. 3).

	Пол	Возраст	Сфера уп	Тип речи	Источник
Мол					
1 Человеку / может / сидеть надоело просто уже. Решил что-то написать / что / мол / я больше не буду. Чтоб уехать подальше. Автоматическое покаяние какое-то/ да / мы жили неправильно...	м	32	публ.	диа	НКРЯ
2 Сам Горбачев говорит / "Меня неправильно поняли". Мол / я не имел в виду / это у нас исполнительные люди.			публ.	диа	НКРЯ
3 И всё-таки можно отделить идейный пласт от того / как это сделано / можно отделить кости от мяса. Вот пошёл разговор / мол / и на солнце есть пятна / Стругацкие / дескать / не идеальные писатели / но рядом поставить некого.	м		публ.	диа	НКРЯ
4 М.. поэтому я там вообще уже с девятого / у меня опять работа. И поэтому мне даже вроде не было смысла мол уезжать /	ж	48	повседн.	диа	НКРЯ
5 Ваня приезжает/ говорит/ «Катя/ не приходится мне тебя взять». Мол / международное положение было какое-то/ ну/ обманули/ короче.	ж		повседн.	моно	НКРЯ

Рис. 3. Фрагмент пользовательского подкорпуса материала

К сожалению, не всегда удавалось установить возраст и даже пол говорящего, так как в корпусах-источниках такая информация присутствует не всегда, поэтому пользовательский корпус аннотирован не полностью. При определении сферы употребления и типа речи контекстов из УП НКРЯ нам помогала метаразметка корпуса-источника.

Такая форма представления данных позволяет отфильтровать информацию, чтобы было удобнее устанавливать корреляции между, например, полом и сферой употребления или возрастом и типом маркера ренарратива (таким образом можно проследить, насколько активно

разговорные, недавно появившиеся маркеры ренарратива проникают в речь старшего поколения).

Отбор примеров из корпуса осуществлялся в соответствии с рядом принципов: 1) использовалась функция случайной выдачи, чтобы избежать попадания в наш корпус примеров одной жанровой принадлежности, сферы употребления и тематики (например, преобладание примеров из телепроекта *Academia* повлияло бы на количество употреблений маркеров типа *мол* в публичной речи в жанре научной лекции); 2) не допускалось попадания в корпус больше 2-х примеров употребления МР одним информантом – это позволило избежать опасности принять индивидуальный стиль общения за общую тенденцию употребления ксенопоказателей.

Слова типа *такой* или *вот* приобретают эвиденциальное значение не так часто, а основную массу примеров составляют контексты с более или менее традиционными значениями этих единиц. Из-за этого их количество в пользовательском корпусе невелико. И по этой же причине количество контекстов с разными маркерами ренарратива оказалось не сбалансировано. Исходя из этого, в настоящем исследовании используется больше не количественный, а качественный подход к анализу материала.

2.2. Функционирование в речи кодифицированных маркеров ренарратива *мол, де, дескать*

Грамматики русского языка выделяют, как уже было сказано, три частицы, которые обозначают «субъективную передачу чужой речи» (*Грамматика...* 1960: 645) – это *мол, де* и *дескать*. Данные частицы этимологически восходят к глагольным формам 3-го лица ед. ч. прошедшего времени: «*де* – аорист от *делать (деять)*, в значении ‘говорить’, *дескать (дискать)* – стяжение от *де сказать* ‘осуществил речь’, а *мол (мл)* – прошедшее время от *молвить*» (*Арутюнова* 2000: 437; см. об этом также: *Михайлова* 1996: 165; *Богданова, Пальшина* 2012: 284; *Копотев* 2014). Как уже отмечалось, основная функция маркеров ренарратива – передача чужой

речи. Однако хотелось бы отметить, что понятие *чужая речь* условно: оно обозначает не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» (Левонтина 2010: 284).

Как правило, ксенопоказатели позиционно свободны и встраиваются в конструкции с косвенной (1) или прямой (2) речью:

- (1) *он напишет / что мол / *П Дора Путина любит* (ОРД);
- (2) *да да / *П как играл вчера / Депардье // *П порезал / как украл в магазине / в фильме // *П банку / такую консервов / которую когда ты поворачиваешь / она говорила мол э-э-э / *П э-э-э / *П мэ(:) *П эээ / в смысле звук ? да* (ОРД).

Хотя они могут употребляться и самостоятельно:

- (3) *А фантастику нужно защищать не только от писателей-снобов и плохих читателей / но ещё и от неумных политиков / Зюганова / например / заявляющего между делом / что он любит читать фантастику. Как бы после такой антирекламы от нас не отвернулась вся демократическая общественность / мол / ваша фантастика / это литература коммунистического прошлого!* (НКРЯ).

Довольно часто маркер ренарратива занимает место на некотором удалении от глагола говорения/мысли, напоминая таким образом слушающему, что это все еще чужая речь:

- (4) *Крёстный мой горделивый / бильярдно лысый / медленно усыхающий давно уже передаёт / намекает / «Пусть бы / дескать / крестник написал о хуторе нашем родимом»* (НКРЯ);
- (5) *А говорят, что здесь есть источник молодости? <...>Рядом / что мол выпьешь и будешь <...> молодой* (НКРЯ).

Зачастую ксенопоказатель не является основным «строительным материалом» высказывания (Колодезнев 1969: 90), то есть, если его убрать, значение предложения не изменится. Это характерно для тех случаев, когда *мол*, *де*, *дескать* включены в конструкцию с прямой или косвенной речью.

Однако вне этих конструкций изъятие ксенопоказателя ведет, как правило, к полному изменению смысла: чужая речь начинает восприниматься как речь говорящего. В ситуации, когда с помощью частиц *мол*, *де*, *дескать* передается собственная речь говорящего, изъятие ксенопоказателя никак не влияет на изменение источника сообщения. Однако в этом случае все равно происходят семантические сдвиги: «При пропуске частиц <...> вся речь воспринимается как совпадающая с моментом речи¹⁰ и адресуемая непосредственно собеседнику» (Колодезнев 1969: 90-91).

Н. Д. Арутюнова отмечает, что функционально ксенопоказатели не равны глаголом речи. На это указывает возможность их употребления с глаголами мысли и глаголами «письменной речи» (Арутюнова 1992: 42).

По замечанию Н. Д. Арутюновой, ксенопоказатели позиционно не закреплены в предложении, они «занимают блуждающую позицию» (она же 2000: 438). Поскольку они употребляются параллельно с глаголами речи/мысли, «это освобождает их от позиционной закрепленности и позволяет самоопредлиться» (она же 1992: 43). Это подтверждается на материале устной спонтанной речи лишь для некоторых МР (для *мол*, *дескать*, *типа*, *такой*, *грит*, но не для *так и так* или *типа того что*, к примеру). Ксенопоказатель может находиться как в самом начале чужой речи (3), так и в ее середине (5) или конце (6):

(6) *когда зависло / он так сидел секунд тридцать / ты чего железо / () хочешь со мной поближе познакомиться?<...> что говорит железо / хочешь со мной поближе познакомиться / вот чучело мол* (ОРД)¹¹.

Положение маркеров ренарратива в предложении настолько свободно, что они могут вклиниваться даже в целостные номинации, подчиняясь ритмической организации высказывания: *граф, мол, Илья Андреевич; Аркадий, дескать, Иванович Свидригайлов* (она же 2000: 439).

---

¹⁰ Изменяется временная соотношенность реплик.

¹¹ Пересказывается речь, обращенная к компьютеру.

Что же обозначают эти частицы? И есть ли между ними различия?

Словари¹² не различают значения этих трех частиц, отмечая только, что все они употребляются при передаче чужой речи. Большинство словарей относит их к просторечиям. В «Русской грамматике» 1980 г. читаем: «На источник сообщения указывают (обычно с оттенком недостоверности) частицы *мол*, *де*, *дескать* (прост.): *Он, мол, ничего не знает*; *Он де (дескать) не виноват* ('кто-то или он сам говорит, считает, утверждает...')» (Шведова 1980: 225). Хотя здесь и выделяется компонент недостоверности, который, как будет показано ниже, присутствует не всегда, семантика *мол*, *де* и *дескать* также не дифференцируется. В. В. Виноградов определяет особенность семантики подобных частиц более точно: он говорит о «субъективной передаче чужой речи, мысли» (Виноградов 2001: 603).

В научной же литературе этот вопрос освещен довольно подробно.

Так, В. М. Колодезнев говорит о том, что частицам *мол*, *де*, *дескать* присуще модальное значение, связанное с выражением несогласия, недоверия. А эмоционально-экспрессивным оттенком их наделяет уже контекст (Колодезнев 1969: 92).

И. Б. Левонтина в целом разделяет мнение В. М. Колодезнева: «Поскольку говорящий при помощи ксенопоказателей отстраняется от позиции другого человека, прагматически такие слова притягивают разного рода оценки, чаще отрицательные, воспроизводимой речи» (Левонтина 2010: 284).

А. Н. Баранов при анализе примеров с частицей *мол* отмечает, что отношение говорящего к пересказываемому может быть как явно отрицательным, так и просто неопределенным – это фактор контекста, а не значения частицы. В то время как использование маркера *дескать* – знак

---

¹² В работе использованы следующие словари русского языка: *Словарь современного русского литературного языка* 1950-1965 (БАС); *Словарь русского языка* 1999 (МАС), Ушаков 2005 и Ожегов, Шведова 1999.

полного или частичного отмежевания и даже несогласия говорящего с цитируемым. В нейтральных контекстах *дескать* используется значительно реже (Баранов 1994: 117, 119).

Е. В. Падучева строит свое исследование на предпосылке, что в ксенопоказателе взаимодействуют два компонента:

(а) – маркирование высказывания как чужого (т. е. отстранение говорящего от ЧР),

(б) – несогласие со словами чужого.

В ксенопоказателе всегда присутствует компонент (а), но не всегда присутствует компонент (б). При этом компонент (б) выражен, скорее, контекстом, чем семантикой самой частицы. Однако в предложениях с *мол* реже возникает компонент (б), чем в предложениях с *дескать*. В итоге Е. В. Падучева останавливается на том, что частицы *мол* и *дескать*, прежде всего, маркируют цитирование, т. е. отстранение говорящего от ответственности за содержание сказанного. Что же касается несогласия говорящего с цитируемым лицом, то частицей *мол* оно не выражается вообще, а частица *дескать* выражает его лишь при наличии контекстной поддержки. В результате у *дескать* можно усмотреть некоторое модальное значение (Падучева 2011: 3-8).

В работе Р. Камю различие между *мол* и *дескать* трактуется так: *мол* более тесно связано с исходным высказыванием, тогда как *дескать* допускает более вольную трактовку ситуации. Однако различия эти имеют скорее характер предпочтений (Камю 1992).

По мнению же А. Н. Баранова, «*дескать* отражает нежелание говорящего брать на себя ответственность за чужое, <...> а *мол* – напротив, свидетельствует о том, что за какие-то фрагменты чужого он готов разделить ответственность с автором цитаты» (Баранов 1994: 116).

Попробуем разобраться в различиях между *мол*, *де* и *дескать* на примерах из устной речи.

2.2.1. Мол

Частица *мол* оказалась самым частотным ксенопоказателем в материале исследования: в УП НКРЯ обнаружилось около 400 вхождений данного маркера, в ОРД – 7. Употребляется *мол* в основном как маркер чужой речи без каких-либо дополнительных эмоциональных или семантических оттенков.

Но среди примеров встретились и варианты не вполне традиционного употребления этой частицы:

- интерпретация чужой речи:
  - (7) *Сам Горбачёв говорит / «Меня неправильно поняли». Мол / я не имел в виду / это у нас исполнительные люди (НКРЯ);*
- передача не чужих слов, а «чужого смысла»:
  - (8) *Статью / к сожалению / не читал / потому что «Ведомости» только для подписчиков. Но в целом посмотрел множество отзывов с многих сторон и могу составить своё мнение об этой статье. Человеку / может / сидеть надоело просто уже. Решил что-то написать / что / мол / я больше не буду. Чтоб уехать подальше. Автоматическое покаяние какое-то/ да / мы жили неправильно (НКРЯ);*
- передача возможной будущей речи:
  - (3) *А фантастику нужно защищать не только от писателей-снобов и плохих читателей / но ещё и от неумных политиков / Зюганова / например / заявляющего между делом / что он любит читать фантастику. Как бы после такой антирекламы от нас не отвернулась вся демократическая общественность / мол / ваша фантастика / это литература коммунистического прошлого! (НКРЯ)¹³.*

Стоит, однако, отметить, что передача «чужого смысла», а не чужих слов вообще характерна для ксенопоказателей, так как говорящий не может точно воспроизвести чужую речь. Он к этому, скорее всего, даже не стремится: по замечанию Н. Д. Арутюновой, большинство высказываний с ксенопоказателями нацелены на передачу смысла, а не слов (*Арутюнова*

---

¹³ Данный пример уже приводился выше, поэтому новый номер ему не присваивается.

2000: 443). Пример (8) интересен тем, что здесь это явление сокращения слов «до смысла» достигло своего апогея: говорящий передает содержание целой статьи словами *я больше не буду*.

Что же касается модального значения *мол*, то в примерах (7) и (8) его можно описать как неопределенное, т. е. невозможно однозначно сказать, как именно говорящий относится к ЧР (или «чужому смыслу»). Зато в примере (3) явно присутствует отрицательная оценка чужой речи. Однако главным показателем этого является все же контекст, а не сама частица.

2.2.2. *Дескать*

Данный ксенопоказатель оказался гораздо менее частотен в материале исследования: всего 52 употребления в УП НКРЯ и одно в ОРД. Это маркер чужой речи, в семантике которого явно присутствуют модальные значения оценочности (9) и недоверия (10):

- (9) *Вот / например в одном из регионов местные лидеры «СПС» решили / что самым лучшим лозунгом будет пообещать людям увеличение средней зарплаты до 1000\$. Дескать / это реально (НКРЯ);*
- (10) *С Гоголем нет ничего общего / зря вы нам тут мозги пудрите / дескать / у того в прозе были фантастические элементы (НКРЯ).*

Однако *дескать* может употребляться и как просто МЧР, без дополнительных семантических «отягощений»:

- (11) *нет / я слышал / что его дескать(?) уже сняли (ОРД).*

В материале исследования встретились также случаи, где *дескать* выполняет поясняющую функцию:

- (12) *Река Урал или Жайык / она считалась пограничной рекой / то есть / если угонялся скот и вся ж... э... живность / всё добро переходило за эту реку / то и / как гоится / «Извините / даже махали иногда ладошечками / дескать / всё ребята / отдыхайте / это уже было ваше / стало наше» (НКРЯ).*

Причем стоит отметить, что «интерпретация всегда допускает элемент произвола» со стороны говорящего (Арутюнова 2000: 445). Об этой способности *дескать* интерпретировать действия, жесты, поведение Другого

писали также и другие исследователи см., например: (Баранов 1994: 114; Падучева 2011: 4).

- (13) *Обязательно старовером становится?* [Респондентка, жен, 87] *Обязательно. Да здесь все / все круговой староверы были. И вот / дескать / я попала из мирских в староверы. Чё / такие же ведь люди* (НКРЯ).

В примере (13) пересказывательность явно отсутствует. Есть вероятность, что говорящий по ошибке употребил *дескать* вместо *так сказать*. Но по ошибке ли? Не является ли это употребление пусть не частотным, но имеющим место в языке хотя бы на периферии? Приведем еще один пример:

- (14) *На что крёстный отвечает / «Однажды мужик один / дескать / загубённый / проиграл собутыльнику жену молодую / красивую / неприступную / гордую и строгую...»* (НКРЯ).

На первый взгляд, это обычный маркер чужой речи. Однако его положение перед словом *загубённый* придает частице довольно необычный оттенок значения. Во фразеологическом словаре (*Фразеологический словарь* 1968) *так сказать* интерпретируется как ‘если можно так выразиться’; а в «Большом словаре русских поговорок» (Мокиенко, Никитина 2007) *так сказать* объясняется как ‘оговорка, смягчающая решительность какого-л. утверждения’. *Дескать* в данном контексте, вероятно, кроме прочего, именно смягчает значение слова *загубённый*.

2.2.3. Де

Это самый малоупотребительный маркер ренарратива. В УП НКРЯ обнаружилось всего 12 соответствующих вхождений, три из которых встретились в диалектной речи, и еще два в речи кино. В ОРД он вообще не представлен.

В отличие от *мол* и *дескать*, частица *де* не может находиться в положении абсолютного начала предложения (Баранов 1994: 123]. Кроме

того, в большинстве случаев она имеет синтаксическую закрепленность: примыкает к слову как энклитика:

(15) *Баптисты / они не берут в руки оружия / они никого не убивают и в руки не берут оружие. Вот идет милиция за ним / он-де в армию не пошел. А почему в армию не пошел?* (НКРЯ).

Так же как и другие ксенопоказатели, *де* может употребляться как самостоятельно (15), так и параллельно с глаголами речи или мысли (16):

(16) *и на партийном собрании он выступает // «Бойчук-де» говорит «или не хочет / или не может организовать работу в цехе так / шоб поднять регулярность»* (НКРЯ).

Среди контекстов встретился один весьма показательный пример:

(17) *Невестка его / словоохотливая и приветливая женщина / явно гордится своим деверем. Она так и заявила: «Он-де может быть у нас даже главным водителем». Он-де / это правильно я прочитала? То есть / очевидно / руководителем экспедиции* (НКРЯ).

Информанта попросили прочитать какой-то отрывок текста; встретившись с частицей *де*, говорящий не узнал ее и переспросил, правильно ли был прочитан отрывок. Можно предположить, что малая употребительность *де* связана с тем, что носителем языка этот ксенопоказатель осознается уже как неестественный, чужеродный, устаревший. Есть вероятность, что скоро *де* совсем выйдет из употребления. Подтверждением этого предположения может служить и то, что в ОРД (максимально естественная и современная устная речь) эта частица совсем не встретилась.

В общем и целом можно сказать, что употребление кодифицированных ксенопоказателей *мол*, *де*, *дескать* в устной спонтанной речи не отличается от уже довольно хорошо изученного и описанного их употребления в речи письменной (если не считать еще не вполне исследованного употребления *дескать* в качестве *так сказать*).

2.3. Функционирование в речи некодифицированных маркеров ренарратива

2.3.1. *Грит*

Как и частицы *мол*, *де*, *дескать*, *грит* происходит от глагола говорения. Как и частица *де*, *грит* в некоторых случаях тяготеет к постпозиции, т. е. становится своего рода энклитикой. Еще одно качество, которое объединяет *де* и *грит*, – это возможность многократного вхождения в высказывание (Арутюнова 2000: 438) (т. е. *грит* может присоединяться чуть ли не к каждому слову во фразе), ср.:

(18) *Он грит / «А я / грит / у меня / грит / образования / грит / нет никакого / говорит / я был бри... колхозным бригадиром»* (НКРЯ).

Однако важным отличием *грит* является то, что этот показатель может стоять в начале чужой речи, выполняя функцию дискурсивного маркера старта, в то время как *де* в позиции начала ЧР в нашем материале не встречается:

(19) *Тут я её встретила / грит это просто маленькая старушка / а мама пришла с такими же проблемами. Грит «У нас вот так и так»* (НКРЯ).

Данный маркер ренарратива не является эмоционально окрашенным и не обладает модальным значением.

Однако при определении *грит* как маркера чужой речи встает проблема: действительно ли *грит* – это уже полноправная частица, которая выполняет функцию маркера ренарратива? Или же это обычная редуцированная форма глагола *говорит*, которая, как известно, тоже довольно часто вклинивается в пересказываемую речь? Н. Д. Арутюнова утверждает, что редуцированный глагол *грит* частицей еще не стал (*там же*: 437). Возможно, это действительно так, но есть все основания предполагать, что *грит* неминуемо движется в этом направлении. В этой связи показателен следующий пример:

- (20) *у подружечки / мы когда / ну (...) муж ушёл в море / она уехала / он попросил посмотреть как-то за квартирой / (...) ну и я так / (ф...ф) приходил время от времени / *В вдруг какая-то повестка такая лежит / в военкомат / там как бы явиться мужу её // *П я такой / *П ну звоню **грит**... () типа говорю / вы знаете / этот человек он (э...э) моряк / *П сейчас в море / *П то есть он где-то через полгода только сюда появится (ОРД).*

При передаче своей речи в прошлом говорящий сначала использует форму *грит*, потом вспоминает, что это глагол 3-го лица и к ситуации не подходит, и исправляется (*типа говорю*). То есть в данном случае говорящий определенно использует *грит* как частицу и только потом связывает ее с глаголом.

В связи с тем что границы между *грит*-частицей и *грит*-глаголом нечетки и проницаемы, при определении *грит* как частицы в том или ином контексте необходимо действовать предельно осторожно.

2.3.2. *Вот*

По замечанию И. Б. Левонтиной, «использование слова *вот* как ксенопоказателя чрезвычайно частотно в устной речи» (Левонтина 2010: 286) Это эмоционально нагруженный маркер чужой речи, иногда служит средством передачи угрозы, осуждения: *Вооот! я тебя из школы выгоню!* (Подлесская, Кибрик 2009). Как правило, сопровождается особенной интонацией, часто пародийной.

В исследуемом материале было обнаружено всего семь случаев такого употребления слова. Рассмотрим некоторые из них:

- (21) *пришёл домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи **вот** // поэтому мы решили что-о / надо повторить (САТ);*
- (22) *А... ну / бесконечные жалобы / друг на друга / на своих домашних / на священников и на меня самого. «**Вот** / батюшка / Вы там такой / сякой». «Ну да / я говорю...» (НКРЯ);*
- (23) *Многие из них шарлатаны. И кстати Мессинг пишет / что **вот** / я значит знаю [нрзб 1 слово] Которые там с ним работают /*

помощников / это хорошо разработанная система вопросов / ответов / все это легко объяснимо (НКРЯ).

Как видно из примеров, в приведенных случаях *вот* занимает разную позицию по отношению к началу ЧР. В примере (21) *вот* маркирует конец чужой речи, при этом данный МР придает всей фразе определенную эмоциональную окраску. В примере (22) чужая речь с *вот*, по-видимому, интонируется особым образом. Здесь *вот* эмоционально нагружено и передает осуждение говорящего по отношению к чужой речи. Пример (23) демонстрирует способность *вот* встраиваться в конструкции с косвенной речью. Интересно отметить также, что *вот* здесь употреблено в контексте нейтрального пересказа ЧР: здесь оценочная модальность и эмоциональный компонент, как кажется, отсутствуют. Пересказываются слова Мессинга, с которыми автор высказывания согласен (что видно из контекста), а так как источник ЧР здесь письменный, то ни о какой передаче эмоциональной составляющей высказывания говорить не приходится.

Надо отметить, что *вот* как маркер ренарратива вообще часто является одновременно стартовым маркером:

(24) *Встречал его / да / в одном из салонов. Вот он там выступал с вступительным словом / в котором / я помню / он так там / что вот «Федор Тетерников / когда был учитель / учительшика / ходил в замызганном сюртуке...»* (НКРЯ).

В примере (24) *вот* имеет, как представляется, еще и модальное значение. Пародийный характер пересказываемого текста подчеркивают слова *учителишка*, *замызганный сюртучок*. Они передают пренебрежительный тон человека, который рассказывал об этом учителе. Это пренебрежение и пародируется говорящим. Подробнее о функционировании *вот* в устной спонтанной речи см.: *Звуковой корпус... 2013*.

Необходимо отметить, однако, что зачастую слово *вот* выполняет в устной речи ритмообразующую функцию, и если оно встречается в этой функции во фрагменте пересказываемого текста, то есть опасность

перепутать его с маркером ренарратива. Так, в примере (21) *вот* имеет не вполне отчетливое эвиденциальное значение. Подробнее о ритмообразующей функции слова *вот* см.: Кислощук 2013: 70-73; Богданова-Бегларян и др. 2013.

2.3.3. Такой/ая/ие

Вероятно, этот маркер ренарратива появился из конструкций типа *он такой говорит* путем ее сокращения:

(25) *и он такой мне говорит // вот видишь тот () куст шиповника / тебе нужно туда задом заехать* (ОРД).

Конструкция типа *он такой + глагол в наст. врем.* вообще заслуживает отдельного рассмотрения, так как является довольно частотной в устной спонтанной речи (например, *он такой сидит, я такая подхожу* и т. п.).

Местоимение *такой* в составе этой конструкции является маркером изобразительности, т. е. когда человек говорит *такой*, предполагается, что собеседник понимает, *какой* именно, либо из контекста, либо из предыдущего опыта. В приведенных ниже примерах маркер изобразительности *такой* берет на себя функцию *маркера ренарратива*. Иногда употребление этой единицы сопровождается интонационной или мимической пародией. Во всех примерах нашего пользовательского корпуса *такой* употребляется в начале чужой речи, то есть опять-таки служит одновременно маркером старта:

(26) *Там ребята были / я им говорю / типа / подождите меня / а они такие «ха- ха- ха / зачем каблук одевала?»* (НКРЯ);

(27) *он так ласково разговаривает / такой / *В ну вы успокойтесь / у вас всё будет нормально // всё получится // всё хорошо* (ОРД).

В примерах как (26), так и (27) сделана попытка передать эмоциональный оттенок высказывания. В контексте (27) говорящий характеризует человека, слова которого передает, как внимательного, заботливого, чуткого. Говорящий в примере (26), наоборот, с помощью *такой* указывает на нетерпение и нечуткость к чужим проблемам авторов ЧР. Таким образом, местоимение *такой* указывает на качество характера или

отношения, проявляющееся в речи человека. Исходя из этого можно сделать вывод об оценочном модальном значении ксенопоказателя *такой*, которое может быть как положительным, так и отрицательным и которое проявляется только при поддержке определенного контекста и, вероятно, интонации, потому что он может употребляться и как обычный маркер чужой речи:

(28) *нормально так / выехали по трассе / там поехали // так останавливайся / заводись // останавливайся / короче говоря / потом он такой / *В так / смотрим / поворачиваем* (ОРД).

Важно отметить, что *такой* не является «чистым» ксенопоказателем. Он берет на себя эту функцию в определенной позиции, т. е. перед началом ЧР.

2.3.4. *Tuna*

Эта единица в немногих словарных фиксациях описывается как частица в функции вводного слова, имеет помету *жарг. крим.* и определяется следующим образом: «Вроде, наподобие, как бы и т. п. • Бессодержательный заполнитель пауз, “словесный мусор”, обычно встречается в несколько затрудненной, неразвитой речи, чаще у представителей криминального мира» (Химик 2004: 608). «Однако в последнее время это словечко (вариант его письменной фиксации – *типо*) стало очень популярным в устной речи обычных (отнюдь не связанных с криминалом) носителей языка, особенно в речи молодежи» (Богданова-Бегларян 2014; см. также: *Звуковой корпус...* 2015). При этом употребление этого слова оказалось тоже весьма разнообразным и многозначным. В числе прочих эта единица способна выступать и в роли ксенопоказателя.

В частности, *tuna* в спонтанной речи часто выступает как показатель приближенности, который берет на себя функцию ксенопоказателя. В предложении занимает те же позиции, что *мол* и *дескать*, т. е. может стоять в любом его месте. И, так же как и кодифицированные ксенопоказатели, *tuna*

встраивается в конструкции с прямой или косвенной речью, а также может выступать в предложении самостоятельно, ср.:

- (29) *И он всё / пошёл типа залезать в машину. Тупа «Иди сюда / поехали!» ... Я говорю / «Ну надо же какой хитрец!»* (НКРЯ);
- (30) *Ну / она [нрзб] когда отвечаю / то в окно смотрит там / то лицо такое делает / тупа я тупая* (НКРЯ).

Как видно из примеров (29)-(30), *типа*, как и другие маркеры ренарратива, может выполнять поясняющую функцию, интерпретировать жесты, поступки, поведение Другого.

2.3.5. *Тупа там / типа блин / тупа бл*дь*

Все эти конструкции можно считать вариациями маркера ренарратива *типа*, которые образуются за счет прибавления компонентов *там / блин / бл*дь* и благодаря этому приобретают дополнительную хезитативную функцию (т. е. дают говорящему время подумать над следующей репликой). Кроме того, добавление такого рода слов выполняет, вполне вероятно, и ритмообразующую функцию¹⁴:

- (31) [Слава] *Макс. Максим. Надо слоган какой-то убедительный придумать. Тупа там / Я дам вам... Что он им может дать?* [Леша] *Смотря чего у них нет* [Слава] *Ничего у них нет* [Леша] *Такой слоган / Я дам вам всё* (НКРЯ);
- (32) *Придут на вторые 45 минут... скажут тупа блин службу опять нас сняли второй раз поставили старых* (ОРД);
- (33) *это фильм короче / знаешь что такое / металлическая оболочка / не смотрел ? про Вьетнам // там у чуваков короче / в учебке была / молитва // тупа бл*дь // это это это моя винтовка бл*дь // таких винтовок много / но эта винтовка моя // да / я ничего не могу без своей винтовки / а винтовка ничего не может без меня // а если меня убьют / моя винтовка будет бесполезна // поэтому мне нельзя погибать без разрешения *Н такой пи*дец короче* (ОРД).

В остальном же эти конструкции функционируют в речи точно так же, как и *типа*.

¹⁴ Подробнее о ритмообразующей функции см.: Богданова 2013; Богданова-Бегларян и др. 2013

2.3.6. *Что-то типа*

Это показатель приблизительности, который берет на себя функцию маркера ренарратива. В примере (34) перед нами даже не передача чужой речи, а попытка передачи чужой мысли:

- (34) *А... «честно говоря / я не столь тревожен / сколь правил тревогой» мне кажется / что он выражает не соотношение степени а... ттревоги в указанной тревоге / а обозначает **что-то типа** / что я вообще не тревожился / а просто делал вид (НКРЯ);*
- (35) *По аське / дословно не помню... **Что-то типа** / «Привет / как делишки?» (НКРЯ).*

Во всех встретившихся в материале исследования употреблениях этот ксенопоказатель выступает только в начале чужой речи, т. е. параллельно выполняет функцию дискурсивного маркера старта.

2.3.7. *Типа того что / типа того что блин*

Это тоже маркеры приблизительности, которые берут на себя функцию маркера ренарратива. Как и все остальные подобные единицы, употребляются в конструкциях с прямой или косвенной речью или самостоятельно. Как и маркер *что-то типа*, выступают только в начале чужой речи.

- (36) *и вообще не туда вот поехала // он такой / я же сказал / надо говорит(?) головой во все стороны крутить / чтобы шея / что / *В ну что / чтобы шея сломалась / **типа того что** не надо бояться (ОРД).*

В примере (36) конструкция *типа того что* выполняет поясняющую функцию: в данном случае говорящий интерпретирует чужую речь.

- (37) *и тогда им всем кричит <...> ну (...) **типа того что** говорит / ты аккуратней ! там на лестнице мальчишка соседский / *П кожуру от бананов кидает иногда (ОРД).*

Блин добавляет всей конструкции еще и хезитативную функцию:

- (38) *ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П **типа того что блин** / *П *Х *П давайте общаться ! (ОРД).*

В примере (38), помимо передачи ЧР, интерпретируется поведение Другого.

Заметна тенденция к удлинению конструкции: *типа – типа того – что-то типа – типа того что*. Таким образом носитель получает больше времени для раздумий над своими последующими словами.

2.3.8. *Вроде того (что)*

В устной спонтанной речи обнаруживается синоним конструкции *типа того* и ее производных, также способный выступать в функции маркера ренарратива – *вроде того (что)*. Как видно из нижеследующих примеров, эта конструкция ведет себя так же, как и другие маркеры чужой речи, то есть позиционно она достаточно свободна, кроме того, она может встраиваться в традиционные конструкции с прямой и косвенной речью (41), а также употребляться самостоятельно (39):

(39) *Вот / И говорят / что да нет / он этот новый / а / агрегат / но в общем / Вы не беспокойтесь **вроде того** [нрзб] (НКРЯ);*

(40) *вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем ? *П ну **вроде того что** их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор // *П а с другой стороны / (...) инструменты ведь музыкальные / (...) тоже имеют / *П что-то в этом ... (ОРД);*

(41) *По вооружению / когда наши начали поставки в Индию / заключать договора / Америке это не понравилось / она начала на Россию наезжать / что **вроде того** зачем вы это делаете (НКРЯ).*

Не исключено, впрочем, что в примере (40) перед нами не конструкция *вроде того что* как вариант ксенопоказателя *вроде того*, а та же единица *вроде того*, только включенная в конструкцию с косвенной речью. Устная речь часто дает возможность не одной-единственной интерпретации материала.

2.3.9. *Так и так*

Эта единица следующим образом трактуется словарями: «Так и так <мол/дескать>. Выражение, употребляемое в качестве вступления в изложение сути дела при передаче чужой речи» (*Фразеологический словарь* 1968: 470). Однако, как видно из нижеприведенных примеров, и без маркеров

ренарратива *так и так* может вводить чужую речь. Таким образом, *так и так* становится полноценным маркером ЧР. Как и все остальные ксенопоказатели, *так и так* может встраиваться в конструкции с прямой и косвенной речью, а также употребляться самостоятельно. Однако место эта конструкция может занимать только в начале чужого высказывания:

(42) *Машина стояла на дворе / на ней кто-то уехал. Он знал / кто это / то есть. Потом видел эту машину. Ну / тоже пришёл в милицию / так и так / номера записал. А ему сказали / фигня / не будем разбираться. Нет смысла ради таких денег разбираться* (НКРЯ).

Иногда конструкция *так и так* выполняет функцию маркера-аппроксиматора, т. е. не только вводит чужую речь, но и заменяет ее или ее часть, если из контекста понятен смысл:

(43) *Она нормальна / токо шо / улуховатая была / ии / это / и не разговаривала // Ага // А он тоуда / и / соуласился// И потом эти сваты / ну / и поех... / сначала договорились с родителями всё // «Ну так и так» / ну они / «шо уговорить / да нам уже всё равно // За кого б / ни выходила / лишь бы уговорится / за человека / ии / это...»* (НКРЯ).

Пример (43) как раз демонстрирует такой случай употребления МР *так и так*: он одновременно и маркирует ЧР, и заменяет ее.

2.3.10. *Якобы*

Отнесение этого слова к классу *маркеров ренарратива* достаточно спорно. В БАС так определяется его значение: «Якобы, союз и частица. 1. Изъяснительный союз. Употребляется для выражения сомнения в достоверности сообщаемого, в знач.: будто бы, как будто. 2. Частица. Употребляется для обозначения предположительности высказывания, указывает на сомнение в его достоверности» (Словарь... 1965: 2072). Однако совсем не обязательно, что это сомнение выражается по отношению к ЧР: неуверенность в истинности может относиться к факту как таковому. То есть говорящий ставит под сомнение какую-то информацию не потому, что он не доверяет тому, кто о ней рассказал, а потому что сама информация не выглядит правдоподобной, логичной и т. д. В этом смысле *якобы* подобно

частицам *как будто* и *вроде бы*. Опять-таки встает вопрос: превращается ли слово вблизи чужой речи и глаголов говорения или мысли в МЧР? Этот вопрос можно разрешить, хотя и не полностью, обратившись к следующим примерам:

(44) *вот // а у меня *П родители прошарили эту тему // они как ? они сделали по документам () якобы официально развелись *П хотя живут вместе // *П папа прописал к себе () сестру а мама меня (ОРД).*

В данном контексте (44) основная функция *якобы* – указание на недостоверность. Однако не исключено, что союз в данном случае передает содержание документов, а значит, выполняет функцию *маркера ренарратива*.

(45) *А думаю / что человек занимался / добился чего-то и добился высот финансовых. Каким путём / мне не известно. Всё только на уровне предположений. Если взять так / тот же Билл Гейтс / якобы образовавший компанию «Майкрософт» / который самый богатый человек... (НКРЯ);*

(46) *Пётр Каместр говорит / что / э / после того как Бог проклял змею / да / он сказал / что на чреве своём будешь ты пресмыкаться / да / в «Книге Бытия» / вот за то / что он человека совратил. Змея опять стала пресмыкаться / опять стала ползать / но вот эта самая фареа сохранила **якобы** дар прямохождения. Вот до сих пор / **якобы** / по средневековым представлениям / есть один вид змеи / которая передвигается вот так на кончике своего хвоста (НКРЯ).*

В примере (45) *якобы* используется не вполне традиционно: компонент сомнения или истинностной оценки, как видно, отсутствует (то, что Билл Гейтс основал компанию «Майкрософт», – это факт, который никем пока не подвергался сомнению). По всей вероятности, это один из немногих случаев, когда основная функция *якобы* – это передача чужой информации. Если быть точнее, то тут *якобы* отсылает нас, по-видимому, к «общему фонду знаний» (ср. различные средства передачи опосредованной информации у категории эвиденциальности), т. е. *якобы* можно заменить здесь на *как известно*. Как видно, в данном контексте *якобы* не совпадает по значению ни с одним из традиционных *маркеров ренарратива* (*мол, де или дескать*),

однако этот факт не говорит о том, что данная частица не может выполнять эту функцию. Возможно, наоборот, стоит отметить, что *якобы* способно выполнять функцию, не характерную ни для одного из традиционных МЧР, а именно маркировать обращение к общеизвестной информации.

Пример (46) показывает, что *якобы* может выступать также и в качестве традиционного маркера ренарратива. Так как здесь *якобы* тоже, по-видимому, не выражает сомнения или оценок истинности сообщения (они, по всей вероятности, и невозможны применительно к интерпретации библейского сюжета), то можно говорить, что данная частица указывает только на передачу чужих слов и не имеет никаких дополнительных оттенков значения.

(47) *Заранее было сказано / что мы тут все гуманитарии и у нас вообще нет той части мозга / что заведует логическим мышлением. Меж тем / я / например / закончил мехмат по кафедре матлогики. И сейчас дам ответ якобы гуманитария якобы технарю с чисто научных позиций (НКРЯ).*

Разделение людей на гуманитариев и технарей в примере (47) явно не одобряется говорящим. *Якобы* здесь указывает на то, что слова *гуманитарий* и *технарь* не принадлежат субъекту речи – это «чужие» слова, употребленные, по-видимому, во время дискуссии ранее (следовательно, эта частица выполняет здесь функцию МЧР). Возможно, здесь есть и оценка истинности: говорящий считает, что нет никаких гуманитариев и технарей, а есть ученые, и, употребляя *якобы*, он придает этим словам пародийный характер.

Было также замечено, что в 6 контекстах из 42 (14%) *якобы* употребляется в рассказах об исторических событиях или легендах. Это связано, вероятно, с тем, что говорящий не может отвечать за достоверность исторических сведений. *Якобы* в таких случаях показывает собеседнику, что говорящий как бы отстраняется от этой информации, не гарантирует ее истинность. Похожим образом употребляются эвиденциальные формы в рассказах об исторических событиях в болгарском языке, однако с той

разницей, что там их употребление обязательно (Плунгян 2003: 324). Пример (48) как раз иллюстрируют предположение, высказанное выше:

(48) *Существует такая легенда / что как вот он купил это зеркало. В тысяча восемьсот семьдесят восьмом году / будучи в Париже на Всемирной Парижской выставке / вот / якобы / вот просто он смотрел на это зеркало и смотрел. И кто-то шепнул: щас этот тунгус возьмёт и купит. И якобы вот он / расплатившись чистым золотом / действительно купил вот эти вот зеркала. На спор (НКРЯ).*

Приведенные выше примеры представляют собой наиболее интересные случаи употребления *якобы*. Однако большую часть нашего пользовательского корпуса составляют примеры типа (49).

(49) *Я хочу как представитель одной из ветви власти / это законодательной дать небольшое пояснение Карпачеву Александру Васильевичу. Его представление о программе «Электронная Россия» / что она якобы облегчает жизнь чиновнику. Я думаю / в некоторой мере / конечно / да... (НКРЯ).*

Основной компонент значения здесь – сомнение говорящего насчет состоятельности высказанного ранее факта. Однако, с другой стороны, вполне вероятно, что *якобы* указывает в том числе и на принадлежность Карпачеву Александру Васильевичу слов о том, что программа облегчает жизнь чиновнику.

Итак, видно, что *якобы* может выполнять в речи функцию *маркера ренарратива*. Однако основным компонентом значения данного слова является все-таки указание на сомнение говорящего в правдивости высказанного факта или же на абсолютную уверенность в его неправдивости.

2.3.11. Так

Местоименное наречие *так*, как и местоимение *такой*, является *изобразительным маркером*, помимо прочего берущим на себя и функцию *маркера ренарратива*, то есть, употребляя его, говорящий имеет в виду, что передаваемая им фраза была сказана определенным образом. Во всех встретившихся в материале исследования случаях *так* стоит в начале

пересказываемой речи. Необходимо отметить также, что не встретилось контекстов, где этот МЧР употребляется параллельно с глаголами речи или мысли:

- (50) *а-а *П э судья на Колю так / ти(!) ! *П вы не на базаре / *Н потом это самое ... *П Коля г... а Коля / это(!) судье и говорит / а вы посмотрите форму семь (ОРД);*
- (51) *здесь стоит прынц и она так // прынц* ой <С> ру-ру-ру-ру <ХО> ши (ОРД);*
- (52) *ну да / женщина уже посмотрела на нас так / угу / суки (ОРД).*

Как и другие ксенопоказатели, *так* может интерпретировать жесты Другого, его поведение и т. п. Так, в примере (52) субъект речи воспринимает взгляд женщины как осуждающий, пренебрежительный и приписывает ей оскорбление, которое не было вербализовано, но, вероятно, читалось во взгляде.

Поскольку функция *маркера ренарратива* является далеко не основной для *так* и слово это является крайне употребительным, нам удалось найти всего семь примеров. По этой причине невозможно сделать каких-либо более или менее обоснованных выводов, однако удалось все же проследить некоторую тенденцию употребления этого местоименного наречия, свойственную и другим *маркерам ренарратива*.

2.3.12. Видите (видишь) ли

Основная функция формы *видите ли*, как представляется, эмфатическая (*Видите ли / я падчерица Матвея Ивановича Иванова*), то есть говорящий считает то, что он говорит, важным и таким образом обращает на это внимание собеседника. Интересно, что при таком употреблении *видите ли* является довольно нейтральным, в функции же *маркера ренарратива* эта конструкция приобретает экспрессивно-оценочную коннотацию:

- (53) *Вы пришли в булочную и Вас там у кассы обляяли / потому что **видите ли** у Вас крупная бумага / а у них сдачи нет (НКРЯ);*

(54) *Потому что были более крупные фигуры в мире медицины а главное с врачебными дипломами / а тут какой-то биолог / **видите ли** / нашёл истину и признав в конце концов эту истину они не сказали что это вот она-то открыла но открыла-то она и это было в страшной борьбе* (НКРЯ).

В примерах (53) и (54) *видите ли* демонстрирует возмущение говорящего в связи с чужой речью. В первом случае на это указывает также эмоционально-экспрессивный глагол *облаяли*, во втором же – местоимение *какой-то*, которое в данном контексте передает пренебрежительное отношение к объекту речи. То есть слова *какой-то биолог* – это явно чужие слова, а точнее сказать, даже не слова, а чужие мысли или даже в целом чужое отношение (это как раз то, что, по меткому замечанию Н. Д. Арутюновой, называют «присутствием Другого» (Арутюнова 2000: 437) в речи). Таким образом, вместе с маркированием ЧР *видите ли* говорит собеседнику также, что говорящий по какой-то причине «находится в отношениях диссонанса» с передаваемой им речью.

Однако, как и в других случаях, когда указание на чужую речь не является основной функцией слова, встречаются примеры употребления *видите ли*, когда нельзя сказать точно, является ли эта конструкция маркером ренарратива или просто акцентирует внимание слушателя на важном высказывании:

(55) *Ему / **видите ли** / Митя / с отцом скучно* (НКРЯ).

В примере (55), с одной стороны, передаются, вероятно, чужие слова (возможно, не реально произнесенные, но приписываемые отцом сыну по каким-то причинам), а с другой стороны, употребление обращения после этой конструкции явно указывает на то, что *видите ли* используется здесь для привлечения внимания собеседника к важной информации. В данном случае невозможно однозначно определить основное назначение этой конструкции в приведенном фрагменте. К тому же велика вероятность того, что обе описанные функции сосуществуют здесь на равных правах.

2.3.13. *Ах! А! Ой!*

В академической среде есть некоторые разногласия по поводу того, считать ли междометия *ой*, *ах* и *а* маркерами ренарратива. Н. Д. Арутюнова отделяет такие единицы, как *ах* и *видите ли*, от категории ксенопоказателей (Арутюнова 2000: 441), в то время как И. Б. Левонтина считает, что *ах* оформляет пересказ чужой речи, что по функции соответствует категории маркеров ренарратива (Левонтина 2010: 285). Нам ближе позиция И. Б. Левонтиной, так как, слова такого типа, исходя из нашего анализа, как раз указывают на «инородность» чужой речи в высказывании говорящего – а это главная функция МР. Кроме того, маркеры типа *ах* также выражают эмоциональную составляющую чужой речи.

(56) *Я худела на какое-то время / потом / может быть / начинала кушать. Может быть / я съедала и не так уж много / но мне казалось / «Ах! Вот я поела. Ах / вот нехорошо поступила!» (НКРЯ);*

(57) [С. Садалский, муж, 57, 1951] *Париж / а потому что вот когда у нас всё время плохо было / всё время думали / за граница нам поможет. Думали / ах / Боже мой / вот в Париже!» (НКРЯ).*

В примере (56) говорящий маркирует свою речь, произнесенную в прошлом, междометием *ах*, обозначающим, вероятно, некоторый ужас и раскаяние от содеянного. Встраивая свою «чужую речь» таким образом, говорящий отстраняется от тех эмоций и тех слов, переосмысливая и, возможно, осуждая их. Пример (57) также демонстрирует некоторую оценочность, которая приобретается междометием *ах* в контексте высказывания. *Ах* здесь передает эмоцию восторженности и надежды, которая, по мнению говорящего, не оправдалась. Поэтому, когда говорящий передает ЧР таким образом, она приобретает пародийный характер¹⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что подобные междометия в функции МР передают эмоциональный настрой чужой речи и часто имеют

---

¹⁵ Подобное наблюдение делается также в Левонтина 2010.

оценочную модальность (выражается преимущественно негативная оценка). Причем оценивается не столько содержание ЧР, сколько ее эмоциональный характер. Получается, что говорящий не разделяет восторженность, ужас, гнев и т. п. того, чью речь он передает, и с помощью *ах* дистанцируется от этой эмоции. Таким образом, маркером чужой речи здесь служит эмоция: нейтральная речь говорящего контрастирует с эмоциональной речью Другого, выделяя ее таким образом из общего речевого потока.

Следует, однако, отметить, что междометия в роли МР не всегда имеют полемический характер, то есть эмоциональность ЧР передается безоценочно:

(58) *Я помню / как мы учились / кто-то заболел / ах / узнайте / почему / отчего / зайти / помочь / навестить и так далее и тому подобное (НКРЯ).*

В примере (58) *ах* как раз используется безоценочно: говорящий придает чужой речи оттенок встревоженности и заботы и при этом никак это чувство не оценивает. Таким образом, не всегда эмоциональная составляющая оценивается негативно. В некоторых случаях *ах* просто разделяет эмоциональную речь Другого и нейтральную речь самого говорящего.

И. Б. Левонтина считает, что междометие появляется только в пересказе чужой речи, маркируя ее как чужую, а в оригинале этого *ах* скорее всего не существует (Левонтина 2010: 285). Однако, как нам кажется, это не такое важное условие. *Ах* может присутствовать изначально в речи, а может не присутствовать – это не столь важно. Говорящему необходимо показать наличие эмоции (какой именно – показывает контекст), которая и маркирует чужую речь.

2.3.14. Контаминации

В ходе сбора материала для настоящей работы было обнаружено неожиданное явление: очень часто в устной спонтанной речи используются

не только сами ксенопоказатели, но и разнообразные их сочетания, *контаминации*. Причем порой могут соединяться даже больше 2-х ксенопоказателей. Но сколько бы ксенопоказателей ни было употреблено подряд, фраза не воспринимается слушателем как перегруженная. Никакой определенной системы ни в употреблении, ни в порядке контаминируемых единиц обнаружено не было. В табл. 1 представлен полный спектр выявленных контаминаций в функции ксенопоказателей устной спонтанной речи.

Список возможных контаминаций разных ксенопоказателей

Контаминации	Пример
Мол дескать	(59)Это Луцио / центральный защитник / и показывает [нрзб] / что / мол / дескать / давай выбивай туда в поле подальше (НКРЯ)
Мол вот дескать	(60)Ну / правитель может быть для нас для бедных людей может / скажет / что мол вот дескать мы за что-то боремся / возможно. Чтобы мы не сильно роптали на правителей. Тем более всё-таки предвыборная кампания (НКРЯ)
Дескать вот	(61)Вся эта панорама вокруг, идёшь по нему, думаешь: «Какой красивый город! Какой красивый город!» Такая вот, такая клишированная мысль и фраза соответствующая: ну, дескать, вот блин, а в каком, однако ж, мы красивом городе живём (НКРЯ)
Дескать ах	(62)За старшей. Стал ухаживать / а у него / оказывается / была женщина / и был у него ребёнок / но ребёнок умер. И эта женщина стала мою сестру старшую преследовать / что / дескать / « Ах / она / мол / от меня отбивает» (НКРЯ)
Так и так дескать	(63)Ну... Очнётся / бежит к нам / кается / так и так / дескать / граждане (НКРЯ)
Мол типа	(64)вон когда вот / (э-э) из ... в Зеленогорск ездили / (ээ) я выезжаю / а там / ну / с горки / и я ... через н... н... а тут / эта трасса // *П и машины идут идут / ну я смотрю / можно проехать / я пинка дал значит / а ещё с грунта съезжал // колёса раскрутились / и свой в резину выскочил // *В этот / о / вот мол типа этот / Шумахер(:) / там ну этот / Якоб Мюллер-то (ОРД)
Типа вот / вот типа	(65)а я не хочу ей давать / она мне говорит что / типа вот / *В попроси у Вики в кассе взаимопомощи / и дай мне в долг / а я тебе потом отдам (ОРД) (66)*Н // я вообще не хочу работать // Вальтюкова ноет // # нет я хочу // *С а я хочу // ну вот такая вот прямо // *В нет / ну что дома делать ? нет / я хочу работать / вот типа / это интересно (ОРД)
Типа ой	(67) Типа / « ой / не специально» / но я-то знаю / что специально.(НКРЯ)

<p><i>Типа того что якобы</i></p>	<p>(68)я тут в "Комсомолке" прочитал/ значит там один журналист пишет/ о/ там объявился такой философ неортодоксальный марксист/ всё такое/ мол/ на него ходят толпами люди слушают его/ бредни/ [зло] ну и думаю чо за такое там/ какой-то Балабанов или [замаялся, вспоминая] / из Воронежа причём/ вот ведь не одна столица/ в столице-то все закаменели/ а кадры-то воспитываются на местах оказывается/ ну и типа того что якобы возрождает он/ марксизм/ ну и теперь вот это вот в "Литературке" прочитал интервью писателя Михаила Чулаки/ ты не слышала о таком?</p>
<p><i>Такой ой-ой</i></p>	<p>(69)ну и вот / он такой / ой-ой / у нас тут фирма / мы тут типа платим / там / за... чтобы было качество хорошее. (НКРЯ)</p>
<p><i>Такой типа</i></p>	<p>(70)Ну / не то что поругались / так немножко поцапались. Он такой / типа: «Ты с*чка». Я говорю: «Да конечно». Горю: «Докажи». (НКРЯ)</p>
<p><i>Вот так и так/ Так и так вот</i></p>	<p>(71)он так вообще расстроился / да ты что ! да мы там человека / практически уволили / из-за тебя там / *В тебе место подготовить // там знаешь / начал такой / я так / ну мне стыдно / но вот так и так / не могу (ОРД)</p> <p>(72)я подошел к тренеру и говорю ему так и так вот я занимался водным поло / энное количество лет / я хочу попасть в команду (САТ)</p>
<p><i>Так мол и так</i></p>	<p>(73)Да / пришел он к ней и говорит. Так / мол / и так. Я запутался / помогите.(ОРД)</p>
<p><i>Так мол и сяк</i></p>	<p>(74)А пассажирка... шасть к нему на мостик / и говорит / «Так / мол / и сяк / это / мол / ошибка / взаимное заблуждение (НКРЯ)</p>
<p><i>Дескать то-сё</i></p>	<p>(75)Вот здесь подпишешь / что / дескать / то / сё / убила по собственному желанию / без принуждения (НКРЯ)</p>
<p><i>Вот так и так типа</i></p>	<p>(76)Вот/ пишет мне <u>типа</u> ну вот так и так/ типа перевод/ я говорю/ "Ну деньги сначала/ да/ там все дела" (НКРЯ).</p>

Вот ах	(77)какой-то мальчик / допустим / в спектакле нашем в училище / аа / проявлял как-то себя совершенно необыкновенно / и вдруг я в нем находила те черты / которые мне казалось / что вот ах / вот сегодня это герой моего романа / и только он и никого более (НКРЯ).
--------	---

Первым явление контаминации отметил А. Н. Баранов (Баранов 1994: 114) на примере *дескать мол*. Но, по его мнению, вариант с *мол дескать* нежелателен: такие употребления «вызывают явное ощущение стилистической аномалии» (там же). Однако, как видно из примера (59), в устной спонтанной речи и такой вариант вполне возможен.

Как и обычные ксенопоказатели, контаминации способны встраиваться в конструкции с прямой (67) или косвенной речью (60), а также могут употребляться самостоятельно (70). Они могут занимать место как в начале высказывания, так и вклиниваться в середину чужой речи. В материале исследования пока не было найдено ни одной контаминации, заканчивающей ЧР, однако нужно отметить, что это не полный список всех возможных вариантов контаминаций. Да и полный список, по видимому, невозможно себе представить, так как явление контаминирования носит стихийный характер.

Было замечено также, что все контаминации носят, скорее, окказиональный характер, то есть встречаются, как правило, не больше одного-двух раз. Хотя есть и исключения, например, *так мол и так* (20 случаев в материале исследования) и *вот так и так* (6 раз). Здесь опять-таки видна тенденция к увеличению длины конструкций, выполняющих в устной речи дополнительную хезитативную функцию.

Важно также отметить роль интонации в определении единиц, выполняющих функции маркеров ренарратива. Так, в примерах (60) и (76) *вот* может быть как маркером чужой речи, так просто ритмообразующей

единицей. То же самое можно сказать и в отношении таких слов, как *там*, *блин* и под. (но они, в отличие от *вот*, не встречаются самостоятельно в функции ксенопоказателя).

Интересными представляются примеры (73) и (74). В них маркеры-аппроксиматоры *то-сё* и *так-сяк* (именно в данном контексте выступающий, по-видимому, в роли аппроксиматора), заменяющие перечисление каких-то обстоятельств, которые, по всей видимости, известны говорящему, разделяют с *мол* функцию маркера ренарратива. Кроме того, встретился еще один неоднозначный пример, в котором *то-сё*, по видимому, выполняет функцию и маркера-аппроксиматора, и маркера ренарратива:

(59) *Её / на сутки позже / принесли на кормление... Его оживляли тоже. Бук... буквально оживляли. В общем я там взволновалась / но они / очень боялись что у меня там молоко пропадёт / то сё / «не волнуйтесь / не волнуйтесь» (НКРЯ).*

Неоднозначность этого примера заключается в невозможности определить, к какому же слову относится *то-сё*: если *молоко пропадет*, *то-сё* (этот ряд может быть продолжен и другими последствиями стресса у кормящих матерей), то перед нами определенно маркер-аппроксиматор в чистом виде, если же *боялись то-сё* (то есть боялись, ходили, успокаивали, уговаривали), то это явно маркер ренарратива. В последнем случае *то-сё*, как и другие ксенопоказатели в ряде случаев, заменяет собой глагол речи или мысли и становится показателем того, что дальше последует чужая речь. Так или иначе, возможность маркеров-аппроксиматоров выступать в функции маркеров чужой речи должна быть изучена более детально (некоторая попытка сделать это предпринята, например, в следующих работах: *Попова 2015, 2017*).

2.4. Попытка классификации ксенопоказателей

Чтобы как-то систематизировать данные, была предпринята попытка классифицировать проанализированные маркеры ренарратива по трем

параметрам: а) синтаксические особенности употребления; б) особенности функционирования; в) дополнительное прагматическое «отягощение».

По синтаксическим особенностям употребления маркеры ренарратива делятся на 4 группы:

1) употребленные в рамках конструкции ПР:

- **В ну / ты ж ... Дора ж ... / ты понимаешь / мы взрослые с тобой люди // и наверное / когда если уж я стал звонить / то не буду гнуть понты // *П ну сколько дашь ! **типа** Коля / говорю / ну у меня бабки ... # десять рублей (ОРД);*

2) употребленные в рамках конструкции КР:

- *Ну / я подумала / слово нормально / что он хорошо то есть / а Стёпа говорит / что / **типа** / он никак (НКРЯ);*

3) употребленные вне конструкций ПР и КР:

- *Как бы после такой антирекламы от нас не отвернулась вся демократическая общественность / **мол** / ваша фантастика / это литература коммунистического прошлого! (НКРЯ);*

4) употребленные вместо чужой речи:

- *Она нормальна / токо шо / улуховатая была / ии / это / и не разговаривала // Ага // А он тоуда / и / соуласился // И потом эти сваты / ну / и поех... / сначала договорились с родителями всё // «Ну **так и так**» (НКРЯ).*

Эта классификация демонстрирует, что маркеры ренарратива довольно универсальны и могут встраиваться в любые синтаксические конструкции. Кроме того, такая классификация может пригодиться при более детальном изучении синтаксических особенностей функционирования маркеров передачи чужой речи.

На основании особенностей функционирования маркеры ренарратива были разделены на три типа:

1) изолированные:

- *слушай / может быть он и заказ чёткий не сделал? может он просто спросил ? *П типа а можно ? (ОРД);*

2) конструкции:

- *Потому что они... она скажет типа того что / пришел отметить // сами знаете женщин (НКРЯ);*

3) контаминации:

- *К Надьке подхожу и говорю / «Надь / почему так произошло?» / молчит / вот так / знаешь / типа / мол / не твоё дело (НКРЯ).*

По отношению к данной классификации может возникнуть вопрос: действительно ли имеет смысл выделять контаминации в отдельную категорию ксенопоказателей или же можно отнести их к конструкциям? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Как пишет Е. В. Рахилина, «...конструкциями пронизан весь язык, и все в нем – конструкции» (Рахилина 2010: 14). Однако и у конструкций все-таки есть ряд некоторых обязательных особенностей. В таблице 2 приведены некоторые характеристики конструкций в сопоставлении с характеристиками контаминаций.

Сопоставление конструкций и контаминаций

Свойство конструкции	Свойство контаминации
1. Невозможна замена одного из компонентов, вся конструкция «функционирует как единое целое» (Рахилина 2010: 13)	Компоненты могут заменяться или меняться местами без изменения смысла <ul style="list-style-type: none"> • она / «может у вас грудь болит» / мол тина // <i>потрогала</i> // «ничего» / <i>говорю</i> / «не болит» // <i>вот именно/ что там болит внутри</i> / она / «ну а температура / <i>мол есть?</i> • <i>К Надьке подхожу и говорю</i> / «Надь / почему так произошло?» / <i>молчит</i> / <i>вот так / знаешь</i> / тина / мол / <i>не твоё дело</i>
2. Смысл конструкции не выводится из значения ее компонентов (<i>там же</i> : 14)	Смысл выводится из суммы значений компонентов. МОЛ + ТИПА К значению пересказывательности добавляется значение примерности

Как видно из примеров в таблице 2, контаминации не обладают теми главными характеристиками, которыми должны обладать конструкции. Необходимо отметить, однако, что контаминации как явление вообще свойственны устной спонтанной речи в целом¹⁶.

В зависимости от того, какие еще функции (кроме указания на чужую речь) может брать на себя рассматриваемая единица, можно выделить следующие категории маркеров ренарратива (МР):

1) только МР:

- *нет* / *я слышал* / *что его дескать(?) уже сняли* (ОРД);

2) МР + хезитатив:

- *ну вот* // **П и тут звонок в дверь* // *стоит этот мужик* // **П тина того что блин* / **П *Х *П давайте общаться !* (ОРД);

¹⁶ См. например о достаточно протяженных хезитационных конструкциях устной спонтанной речи: Звуковой корпус... 2015.

3) МР + маркер-аппроксиматор:

- *Машина стояла на дворе / на ней кто-то уехал. Он знал / кто это / то есть. Потом видел эту машину. Ну/ тоже пришёл в милицию / **так и так** / номера записал. А ему сказали / фигня / не будем разбираться. Нет смысла ради таких денег разбираться (НКРЯ);*

4) МР + маркер приблизительности:

- *По аське / дословно не помню... **Что-то типа** / «Привет / как делишки?» (НКРЯ);*

5) МР + маркер образительности:

- *он так ласково разговаривает / **такой** / *В ну вы успокойтесь / у вас всё будет нормально // всё получится // всё хорошо (ОРД);*

и т. д. Перечень, как представляется, остается открытым.

Исследуемые единицы могут выполнять даже больше функций, как, например, в примере с *так*:

- *а-а *П э судья на Колю **так** / ти(:) ! *П вы не на базаре / *Н потом это самое ... *П Коля г... а Коля / это(:) судье и говорит / а вы посмотрите форму семь (ОРД).*

В данном контексте *так*, кроме функции маркера ренарратива, выполняет также функции образительного маркера и дискурсивного маркера старта.

Таким образом, предложенная классификация поможет структурировать материал при функциональном анализе маркеров ренарратива.

2.5. Проникновение нетрадиционных маркеров ренарратива в письменную речь

Для того чтобы проследить, насколько глубоко проникли в язык такие нетрадиционные маркеры ренарратива, как, например, *типа*, *такой* и под., нужно, в первую очередь, понять, насколько широко данные единицы используются в письменной речи. В связи с этим мы попытались найти в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка употребление такого рода слов в функции маркеров передачи чужой речи. Было

обнаружено, что слова типа *такой* проникают в большей степени в Интернет-тексты, нежели в печатные. Однако их можно встретить даже и в художественной литературе (хотя и довольно редко):

- *И вот в этой нервной обстановке, когда все мельтешат и отвлекают от роли, я сделала какое-то замечание хормейстеру А. В. Рыбнову, что-то типа «Нельзя ли потише» или «Не мешайте»... [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)];*
- *Они не знали, что Семёнов меня заранее спросил – кто будет на дне рождения. Высокий Андрей мне на кухне сказал – классный парень. Он что, типа, из Америки приехал? А я говорю просто читает много. Интересуется [А. Геласимов. Нежный возраст (2001)];*

Но зато *грит*, например, использовал еще Д. Н. Мамин-Сибиряк:

- *Ну, он и рассказывает: приехали, **грит**, в «Дрезден» два господина, не то, чтобы настоящие господа, да и к купцу нельзя применить. Заняли, **грит**, лучший номер и сейчас спать; целые сутки спали. Мы уж, **грит**, хотели полиции объявлять, ну, а они в этот раз и проспись. Потребовали самовар, водки и закуски [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889)].*

Таким образом, видно, что, хоть и в незначительной мере, но «новые» маркеры ренарратива из устной речи проникают и в речь письменную.

2.6. Социолингвистический анализ употребления маркеров ренарратива

Речь не существует сама по себе. Она существует в некотором ситуативном контексте, который влияет на нее и ее формирует. Кроме того речь человека не может быть правильно воспринята без понимания того, кто говорит. Гендерные и возрастные характеристики говорящего, его статус и социальная роль в коммуникативном акте, образование, культурное влияние, профессиональная принадлежность и даже отношения между говорящими (дружеские, деловые, соседские и т. д.) – все это имеет значение для понимания того, почему человек говорит так, как он говорит.

В этой части работы рассмотрим зависимость функционирования ксенопоказателей в речи от гендерных и возрастных характеристик говорящего, а также от самой коммуникативной ситуации.

2.6.1. Гендер

В отличие от термина *пол*, понятие *гендер* появилось в лингвистике сравнительно недавно, во второй половине XX века¹⁷. Пол затрагивает только биологическую природу человека, гендер же «был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» (Кирилина 2005: 8). Если половая принадлежность задана природой с самого рождения человека, то гендер (статус, модели поведения) «“конструируется” обществом <...>, предписывается институтами социального контроля и культурными традициями» (Кирилина 2000: 12). «Можно сказать, что это (гендер. – А. С.) вообще не индивидуальное качество, а установленный обществом порядок, частью которого является каждый человек» (Гриценко 2005: 3). И хотя существуют исследования, посвященные реализации биологического пола в языке (см.: Кронгауз 1996), в нашем исследовании мы будем оперировать понятием *гендер*.

Большой прорыв в области гендерной лингвистики сделала так называемая *феминистская лингвистика*¹⁸. Ее началом считается появление работы Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff 1973), в которой утверждается *андроцентризм*¹⁹ языка и приниженный образ женщины в картине мира, транслируемой через язык. В основу феминистской лингвистики легла гипотеза Сепира-Уорфа о том, что структура языка влияет на мышление человека и его представление о мире. Исходя из этого, все

---

¹⁷ Здесь мы имеем в виду не английский лингвистический термин *gender*, обозначающий грамматическую категорию рода. Речь идет о понятии из области социологии, которое, однако, было позаимствовано из лингвистики. Подробнее о термине *гендер* см.: Кирилина 2005: 8-14.

¹⁸ «Феминистская критика языка (феминистская лингвистика) – своеобразное направление в языкознании, его главная цель состоит в разоблачении и преодолении отраженного в языке мужского доминирования в общественной и культурной жизни» (Кирилина 2002: 232). Подробнее об этом направлении в лингвистике см.: Кирилина 2005: 14-28; Барон 2005: 513-519.

¹⁹ «Андроцентризм – глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность (общечеловеческие субъективности) к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия» (Рабжаева 2002: 9).

оценочное в языке складывается в народную философию, картину мира. По этой причине основную цель своих исследований феминистская критика языка видит в изменении языковых норм для устранения в языке сексизма. Р. Лакофф и другие последователи данного течения в лингвистике считали, что:

1) употребление женского языка (*гендерлекта*) связывается с негативными оценками: он создает ощущение слабости, неуверенности, глупости;

2) женщинам свойственно употребление слов из близких для них сфер: домоводство, мода, проблемы в отношениях, воспитание детей и т. д.;

3) женщины чаще используют в ограничительные выражения, смягчающие частицы (*как-нибудь, просто*) и расчлененные вопросы (*не так ли? или?*);

4) речевое поведение женщин отличается меньшей агрессивностью и точностью, но большей эмоциональностью, вежливостью, заботой о комфорте собеседника.

Многие представления сторонников феминистской критики языка находят подтверждение и в современных исследованиях. Однако некоторые их выводы подвергнуты критике – это связано «с умозрительностью и недостаточной эмпирической обоснованностью ранних исследований» (*Кирилина 2005: 19-20*). Вот эти выводы и их критика.

(1) Вывод о постоянном намеренном *стремлении мужчин доминировать* в коммуникации в борьбе за власть опровергается С. Хиршауером (*Hirschauer 1993*). По его мнению, мужчинам не нужно постоянно подтверждать свой статус – функцию сохранения их доминирующего положения выполняют социальные институты (церковь, школа, армия и т. д.).

(2) Представление о *постоянном конструировании гендерной идентичности (doing gender)*, проявляющемся во всех действиях человека, также не подтвердилось. Как считает С. Хиршауэр, конструирование гендерной идентичности дискретно, не свойственно индивиду на протяжении всей его жизни. Иногда в коммуникации пол говорящих не имеет значения, а более важным оказывается, например, их возраст или социальный статус. Кроме того, как показывают исследования, в ряде случаев социальные категории индивида взаимодействуют, поэтому отделить влияние одного фактора от другого невозможно (Kotthoff 1992). Таким образом, нет оснований утверждать, что гендер является более значимым параметром в коммуникации, чем, скажем, возраст или профессия. Просто в зависимости от цели индивида на первый план выступают то одни факторы, то другие.

(3) Не подтвердилось также представление, что *гендер проявляется в речевом поведении вне зависимости от контекста*. Вопрос не в том, как говорят мужчины и женщины, а в том, как разные средства (в том числе и гендерные стратегии речевого поведения) конструируют разные контексты.

(4) Критике также подверглась *гипотеза «гендерных субкультур»*²⁰, согласно которой дети в процессе социализации усваивают разные правила речевого поведения, так как находятся преимущественно в однополых группах. Внутри таких групп образуются специфические субкультуры со своими речевыми нормами, стратегиями и тактиками. В итоге различия между субкультурами ведут к непониманию и речевым конфликтам. Однако есть исследования, подвергающие сомнению существование специфического гендерлекта (Samel 1995). Более того,

---

²⁰ Подробнее см.: Maltz, Borker 1991; Таннен 2005.

мужчины и женщины, которые принадлежат к одной культуре, не могут не знать общих правил коммуникации.

(5) Опора феминистской лингвистики исключительно на *количественные методы* при анализе также не находит поддержки у современных исследователей.

Идея об андроцентричности языка, однако, до сих пор находит поддержку в работах современных лингвистов. Более того, она подтверждается и в исследованиях на материале неевропейских языков (Барон 2005). Однако следует отметить, что термин *сексизм* (распространен в феминистской лингвистике) не прижился в гендерной лингвистике, так как он «имплицитно подразумевает намерение, которое у языка отсутствует» (Кирилина 2000: 6). Предпочтение отдается более нейтральным понятиям *андроцентризм* и *гендерная асимметрия*. А. В. Кирилина в своей диссертации, на основании анализа словарей, паремиологии и текстов СМИ, приходит к выводу, что андроцентризм присущ и русскому языку, однако он проявляется в меньшей мере, чем в английском и немецком языках (Кирилина 2000).

Таким образом, современный подход «ставит во главу угла отказ от универсализации, акцентирует взаимодействие гендера с другими аспектами социальной идентичности и необходимость изучения конкретных лингвистических практик» (Гриценко 2005: 15).

Итак, наша гипотеза относительно влияния гендера на употребление маркеров ренарратива такова: женщины используют маркеры типа *мол* по большей части в ситуации бытового общения при пересказе чужой речи в контексте рассказываемой истории; мужчинам важнее маркировать чужую точку зрения в противопоставление своей, поэтому употребление ксенопоказателей для них более свойственно в контексте дискуссии. Женщины менее склонны отстаивать свою точку зрения, в отличие от мужчин (Барон 2005). В речи женщин меньше *дескать*, больше *мол*.

Количественные подсчеты употреблений маркеров ренарратива не показали значительного влияния гендера. Из 374 атрибутированных по гендеру примеров 182 употреблений (49 %) принадлежат женщинам, 192 (51 %) – мужчинам. Таким образом, можно сделать вывод, что употребление ксенопоказателей как класса не является гендерноспецифичным (см. табл. 2).

Таблица 2

Употребление разных маркеров ренарратива в речи женщин и мужчин

Маркеры ренарратива	Женщины	Мужчины
<i>Мол</i>	31 (46%)	36 (54%)
<i>Дескать</i>	9 (18%)	41 (82%)
<i>Де</i>	5 (42%)	7 (58%)
<i>Типа / типа того что / что-то типа</i>	38 (63%)	22 (37%)
<i>Такой</i>	24 (75%)	8 (25%)
<i>Так</i>	2 (40%)	3 (60%)
<i>Якобы</i>	19 (45%)	23 (55%)
<i>Вот</i>	1 (14%)	6 (86%)
<i>Ой! А! Ах!</i>	18 (58%)	13 (42%)
<i>Грит</i>	5 (42%)	7 (58%)
<i>Так и так</i>	4 (67%)	2 (33%)
<i>Вроде того (что)</i>	1 (25%)	3 (75%)
Контаминации	25 (54%)	21 (46%)

Как видно из таблицы 2, из всего списка маркеров чужой речи (МЧР) больше всего выделяются по употребительности *дескать*, *типа*, *такой*²¹.

Для *дескать* более, чем для других маркеров такого типа, свойственно приобретать разного рода модальные значения и коннотации (в основном негативные), поэтому *дескать* чаще других МР употребляется в случаях

²¹ Заметим, что нашу выборку нельзя назвать представительной, поэтому количественное сравнение и выводы, сделанные на ее основе, носят, скорее, характер возможной тенденции.

несогласия говорящего с чужой речью. Зачастую несогласие перерастает в полемику. По замечанию Н. Д. Арутюновой, «в контексте полемики ксенопоказатели маркируют высказывания, резюмирующие позицию противной стороны и сводящие ее к основному аргументу или доводу, который подлежит опровержению» (Арутюнова 1992: 50). Ср. также: «Как видно из примеров употребления этой частицы (*дескать*. – А. С.), большинство содержащих ее контекстов гораздо менее нейтральны и более полемичны» (Плунгян 2008: 293-294); *дескать* «конфронтационно и способствует возникновению и поддержанию когнитивного конфликта» (Баранов 1994: 122). То, что женщины в нашей выборке употребляют *дескать* гораздо реже мужчин (18% против 82%) и чаще предпочитают другие МР, может говорить об их несклонности выражать несогласие и неодобрение. По замечанию Д. Таннен, различия в социализации мальчиков и девочек приводит к различиям в целях общения. Мужчинам важно достичь и сохранить свой высокий статус и не потерять независимость. Женская коммуникация направлена на взаимопомощь, поддержание хороших отношений, достижение компромисса (Tannen 1990). Наш материал в целом неплохо встраивается в данную теорию: редкое употребление женщинами маркера ренарратива, более других склонного приобретать негативные коннотации и употребляться в полемических контекстах, как раз указывает на неконфликтное коммуникативное поведение женщин. Более частое употребление маркера *дескать* мужчинами говорит о том, что они таким образом поддерживают свой социальный статус (умение подтвердить свою точку зрения и опровергнуть чужую говорит о человеке как об «эксперте»²²). Однако, кроме гендера, здесь может играть роль также сфера общения: публичная коммуникация (радио, телевидение) чаще

---

²² Термин «статус эксперта» взят из работы Б. Барон «“Закрытое общество”. Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной среде» 1996 года (Барон 2005). Он также употребляется в статье Х. Коттхофф «Гендерные исследования в прикладной лингвистике» (Коттхофф 2005).

порождает дискуссии, споры и обсуждения. К сфере публичного общения относятся 32 примера с *дескать* из 51 (это 63 %), все они так или иначе носят полемический характер (некоторые из них употребляются в контексте оспаривания чужой точки зрения, другие обладают оценочной модальностью). Причем 28 примеров из 32-х вышеупомянутых (88 %), взятых из публичной сферы, принадлежат мужчинам. Из этого можно сделать вывод, что женщины менее активны в публичной обстановке: они реже берут слово и не так активно конструируют «статус эксперта»²³ (это подтверждают и исследования: Барон 2005; Leet-Pellegrini 1980). Однако из этого может следовать также и то, что женщины присутствуют в публичной сфере меньше, чем мужчины: их реже приглашают в качестве экспертов на радио и телевидение (это отчасти может быть связано с предыдущим выводом: как участники дискуссии они менее амбициозны и, следовательно, менее интересны). Это может быть также связано со стереотипным представлением о том, что есть мужские и женские сферы, и дискуссия, как и политика, относится к первым (Гриценко 2005).

Таким образом, редкое использование маркера *дескать* женщинами может объясняться их стремлением избегать конфронтаций или меньшей публичной активностью (либо взаимодействием этих факторов), в то время как частое использование данной частицы мужчинами говорит об их стремлении укрепить свое общественное положение.

Зависимости употребления ксенопоказателя *типа* от гендерной принадлежности говорящего не было обнаружено. Большее влияние в данном случае оказывают такие факторы, как возраст говорящего (так как это слово появилось сравнительно недавно и принадлежит молодежной культуре), сфера употребления (преимущественно повседневная) и, возможно, тематика

---

²³ Б. Барон в своем исследовании пришла к выводу, что мужчины в ситуации профессиональной дискуссии чаще берут слово, реже используют речевые средства, обозначающие неуверенность, реже соглашаются с критикой, используют иронические оценки и, как следствие, создают впечатление более уверенных и компетентных, то есть успешнее добиваются «статуса эксперта» (Барон 2005).

разговора (в контекстах с *типа* чаще обсуждаются бытовые темы и личный опыт). Влияние всех вышеперечисленных факторов увеличивают возможность употребления МР *типа*.

Маркер ренарратива *такой/такая/такие* выполняет в качестве основной изобразительную функцию, поэтому, помимо нейтрального маркирования речи как чужой, иногда он приобретает оценочную модальность. Как показал наш материал, мужчины употребляют *такой* в основном как нейтральный МР, то есть без дополнительных компонентов модального значения (7 из 8-ми примеров), ср.:

- 1) [Саша, жен] *И даже ну типа сказали / что вот / если хотите типа / наш курьер бесплатно всё заберёт. Я **такая** / «Ну давайте» (НКРЯ);*
- 2) [И2, муж] *И здесь кармашек на пиджаке. Он **такой** / «Ой! Чё-то там беленькое такое» [Смех] *Открывает / а ему прям в карман / туда / нагадили (НКРЯ).**

Для женщин такое употребление тоже частотно (15 из 24 контекстов – 62%) – см. пример (1), однако им свойственно также маркировать с помощью *такой* ЧР, включая при этом в речь говорящего оценочный компонент (9 из 24-х примеров – 38%). Автор высказывания, то есть человек, чья речь была передана, становится объектом оценки, часто негативной. При этом его речь сама характеризует своего «владельца». Отметим, что такое употребление практически не свойственно мужчинам (1 пример из 8). Ниже проиллюстрируем данный тезис:

- 3) *и он **такой** / а-а вот там кто-то меня посмотрел / сказал что может это трещина *П а может типа почки отбили / ну я фиг знает / я говорю / а ты ко врачу / типа / ходил ? <...> // *П нет // *П и я как давай орать / говорю / ты вообще в своём уме ? // *П типа / блин (:)
вдруг что-то серьёзное / <...>*П что ты орёшь на меня ! // *П нет чтобы поддержать ! // # пожалеть их надо / понимаешь @ пожалеть меня ! *П думаю / ну нормально вообще // жалея его сиди *П сам debil / ещё и жалея его сиди / пф ! (ОРД);*
- 4) *А / сегодня у нас этот / Вадим Труфанов решил выпендриться / типа кто / кто из нас вообще пойдёт работать по специальности.*

Половина это вообще / все такие встают / он такой / «Никто у нас не идёт работать по специальности» (НКРЯ);

- 5) *она мне позвонила в общем ... *П на той неделе ... *П с криками просто ты с*ка ... *П забудь о Ларисе% я такой ... *П что простите ? *П говорит ты её вообще не скоро увидишь // *П а если увидишь то плохо будет / я такой ... *П что ? (ОРД).*

Из примера (3) видно, что женщина-информант считает своего сына безответственным, не способным за себя отвечать молодым человеком. Об этом говорит употребленное в его прямой речи противопоставление довольно серьезных травм (*отбитые почки, трещина*, по всей видимости, в кости) и сомнительного источника помощи, в компетентности которого стоило бы усомниться (*кто-то посмотрел; ср. врач обследовал*). Такое отношение говорящего к автору передаваемых слов подтверждается также последующим контекстом (*сам debil / ещё и жалея его сиди / пф !*). Таким образом, *такой* имеет здесь имплицитное значение ‘инфантильный’, поддерживаемое контекстом.

В примере (4) имплицитное значение *такой* можно определить как ‘человек, считающий свое мнение авторитетным и пренебрегающий позицией других’. Оно выводится из сопоставления контекста и прямой речи: на вопрос автора ПР, кто собирается работать по профессии, *все встают*, однако он все равно считает, что *никто не идёт*. Негативная коннотация маркера ренарратива поддерживается и оценочным глаголом *выпендриться*.

Пример (5) – единственный в материале исследования случай употребления *такой* в изобразительной функции в речи информантов-мужчин. Прежде всего нужно оговорить контекст коммуникации: информант рассказывает другу историю о том, как неизвестная ему подруга его девушки, как он потом выяснил, звонила с неизвестного номера. Итак, говорящий передает свою собственную речь, и негативная оценка в таких случаях, по-видимому, невозможна. Значение *такой* здесь может быть выведено из сопоставления собственно речи говорящего, вводимой МР, и прямой речи его

собеседника. На агрессивное коммуникативное поведение (крик, инвективная лексика, угрозы – *плохо будет*) информант реагирует максимально вежливым и корректным *что простите?* (обращение на Вы). Такой резкий контраст в стиле ведения диалога подчеркивает неправомерность нападок собеседника, который даже не знает говорящего, а также растерянность и недоумение самого информанта в контексте рассказываемой им истории. Таким образом, можно сделать вывод, что *такой* здесь приобретает значение ‘застигнутый врасплох, удивленный’.

В целом проведенный анализ показал, что гендерная специфика употребления маркеров ренарратива присутствует лишь у единиц *дескать* и *такой*. В случае с *дескать* это объясняется склонностью этого маркера участвовать в полемических контекстах, а женщины, как утверждают некоторые исследователи, не так активно участвуют в дискуссиях, как мужчины, и стараются избегать резких суждений и оценок. Кроме того, для полемики характерно то, что она существует по большей части в публичной сфере, а женщины здесь не так активны, как мужчины: они реже берут слово, не конструируют «статус эксперта». Большее употребление женщинами ксенопоказателя *такой* (24 против 8) связано с его способностью описывать человека через его речь и давать ему тем самым определенную оценку. Женщины в бытовом общении чаще характеризуют человека через его речь, в то время как мужчины с помощью *такой* просто маркируют ЧР в своем рассказе.

В следующем разделе работы рассматривается влияние возраста говорящего на выбор им того или иного ксенопоказателя при передаче чужой речи.

2.

Возраст

В настоящее время появляется все больше работ об особенностях речи людей разного возраста. Сфера интересов исследователей данной

проблематики довольно широка: от онтогенеза языковой компетенции, то есть моделей, по которым ребенок овладевает социальными правилами общения (Брунер 1984), и регистра, на котором взрослые говорят с детьми (*baby talk*)²⁴, до возрастных нарушений речи и акустических особенностей голоса пожилых людей (Вахтин, Головкин 2004: 77-85). Однако данные исследования лежат, скорее, ближе к психолингвистике и фонетике, поэтому не входят в область наших интересов и детально эти проблемы в настоящем исследовании рассматриваться не будут.

В рамках настоящего исследования возраст интересен с позиции его социальной и культурной обусловленности. За время своей социализации человек меняет свои языковые привычки, так как на него влияет окружение, а также само представление общества о том, *что* в определенном возрасте человеку «положено», а *что* «не положено». Так, например, среди подростков престижным является употребление сленговой лексики, в то время как в зрелом возрасте представление о престиже смещается в сторону литературного языка.

В языке отражаются стереотипные представления о том, *каким* должен быть человек в определенном возрасте и *что* должен делать. Так, например, в устойчивых выражениях *брачный возраст / призывной возраст* реализуется представление о том, что человек в определенном возрасте должен жениться или пойти в армию. А фраза *Он не по годам мудр* подсказывает, что речь идет о человеке молодом, так как, по стереотипному представлению, мудрость – это удел старости. В языке существует также разнообразная оценочная лексика, в основе которой лежит понятие возраста: *молокосос, бабка, недоросль, старая дева, ребячество* (некоторые из них становятся оценочными лишь в контексте)²⁵. Таким образом, людям разных возрастных

---

²⁴ См. подробнее: Гаврилова 2002.

²⁵ Более подробно о концепте возраста и стереотипах его восприятия см.: Крейдлин 1996.

групп приписываются свойственные им особенности характера и поведения, от них ожидают исполнения определенных социальных ролей. Для старших более характерны такие речевые акты²⁶, как запрет и нравоучение. Причем очень редко случается, что такие речевые акты направлены на равных по возрасту (кроме ситуаций общения между начальником и подчиненным – здесь большую роль играет не возраст, а статус говорящих). А младшим не свойственно обращение к малознакомым старшим на *ты*, в то время как обратная ситуация возможна и не расценивается как грубость (Беликов, Крысин 2001: 139).

Кроме вышеупомянутых представлений об особенностях людей разных возрастов, существует также представление о том, *как* человек должен говорить на разных этапах своей жизни. В общих чертах это можно описать так: язык старшего поколения более консервативен, ему свойственно употребление того, что уже уходит из речи; среднее поколение ориентировано на языковой стандарт; для молодежи свойственны грамматические и лексические инновации. Причем речь людей среднего возраста изучена меньше всего, так как считается, что их речь максимально приближена к языковому стандарту и никакими особыми чертами не отмечена. Такая диспропорция объясняется тем, что, начиная работать, человек старается использовать престижные речевые формы, то есть те, которые оцениваются окружающими как правильные, присущие людям высокого статуса (Llamas 2006). Таким образом, наиболее специфичной является речь молодых людей, объединенная под общим названием *молодежный жаргон*. Его носителями могут быть школьники, студенты, молодые рабочие, а также интеллигенция в возрасте от 22 до 35 лет. Так как фактически возраст носителей молодежного жаргона колеблется от 10 до 35 лет, то логично предположить, что данный вид жаргона неоднороден. Его

---

²⁶ Подробнее о речевых актах см.: Серль 1986.

составляют школьный, студенческий, рабочий и т. п. жаргоны, отличающиеся лексическим составом и фразеологией, которые отображают особенности жизни той или иной группы (школьников, студентов и т. д.). Однако, по меткому замечанию Л. П. Крысина, «лингвистическая сущность всех этих разновидностей одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словестных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения» (Крысин 2004: 373)²⁷. Лексический состав молодежного жаргона пополняется путем заимствований из других языков (так, *чувак*, например – это ‘парень’ по-цыгански), или же с помощью переоформления (*баскет* – ‘баскетбол’), или переосмысления общеупотребительных слов (*тачка* – ‘автомобиль’). Иногда лексика приходит из других жаргонов (*темнить* в арго – ‘хитрить на допросе’, в молодежном жаргоне – ‘говорить неясно, увиливать от ответа’): при переходе в другой жаргон значение слова может деформироваться (Аранов 1998).

Как правило, носители молодежного жаргона двуязычны, то есть они с легкостью могут переключиться на литературный язык, если того потребует ситуация.

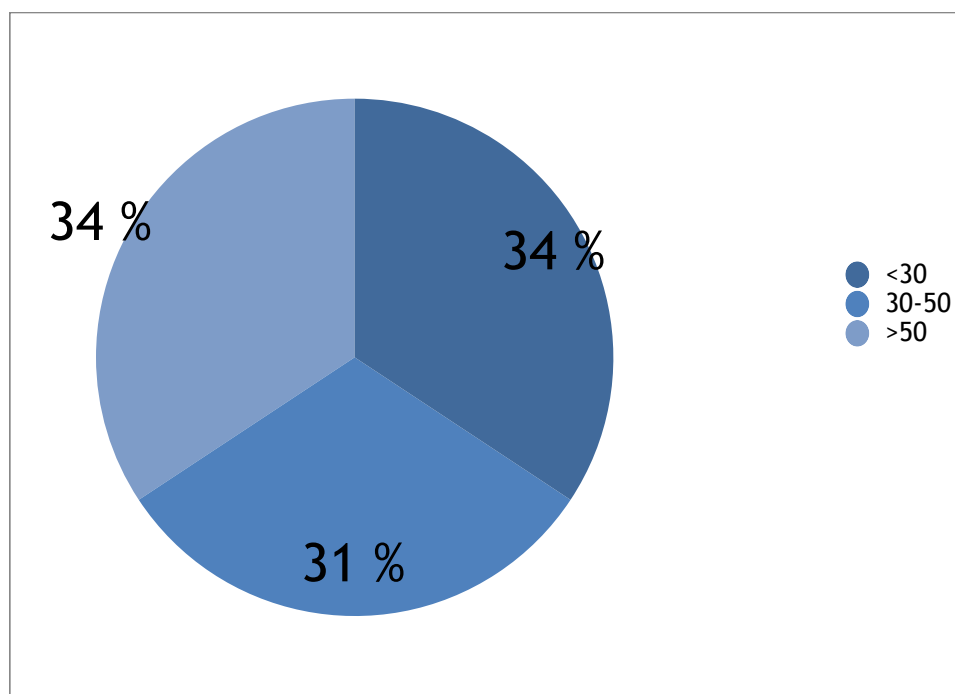
В настоящем исследовании было решено разделить всех информантов на 3 возрастные группы:

- 1) до 30 лет;
- 2) от 30 до 50 лет;
- 3) после 50 лет.

---

²⁷ В связи с этим ср. следующие высказывания: «Корпоративные жаргоны являются своего рода общественной забавой, языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности» (Жирмунский 1936: 119); ««Слово студенческого слэнга не вызывается какой-либо особой необходимостью. Нет никакого смысла создавать особое название для студента индустриального института или техникума. Когда же появилось особое название *индус* (студент индустриального института. – А. С.), то основным стимулом его создания явилось стремление создать что-то более выразительное, яркое, озорное, более обращающее на себя внимание» (Серебренников 1970: 483).

Общее число аннотированных по возрасту контекстов – 245 употреблений. Распределение по трем возрастам получилось такое – см. рис. 4.

Рис. 4. Зависимость употребления маркеров ренарратива от возраста говорящего

Как видно из диаграммы на рис. 4, категория маркеров ренарратива довольно активно используется людьми всех возрастов. Ниже мы попробуем выявить различия в употреблении некоторых МР (см. табл. 4).

Таблица 4

Зависимость употребления маркеров ренарратива от возраста говорящих

	< 30	30-45	> 45	Всего аннотированных контекстов
<i>Мол</i>	12 (25%)	18 (36%)	19 (39%)	49
<i>Де</i>	-	2 (25%)	6 (75%)	8
<i>Дескать</i>	3 (9%)	17 (49%)	15 (42%)	35
<i>Ах! Ой! А!</i>	3 (13%)	9 (42%)	10 (45%)	22
<i>Вот</i>	-	1 (17%)	5 (83%)	6
<i>Вроде того (что)</i>	-	1 (25%)	3 (75%)	4
<i>Грит</i>	2 (22%)	5 (56%)	2 (22%)	9
<i>Так</i>	1 (25%)	2 (50%)	1 (25%)	4
<i>Так и так</i>	2 (40%)	-	3 (60%)	5
<i>Такой</i>	11 (92%)	1 (8%)	-	12
<i>Типа</i>	31 (76%)	6 (14%)	4 (10%)	41
<i>Якобы</i>	9 (38%)	7 (29%)	8 (33%)	24
Контаминации	10 (38%)	8 (31%)	8 (31%)	26

Жирным шрифтом в таблице 4 выделены различия в употреблении ксенопоказателей, которые, на наш взгляд, наиболее значимы.

Например, количество употреблений маркера *де* в устных корпусах незначительно. Как видно из таблицы 4, молодежь его совсем не употребляет, а среднее и старшее поколения употребляют неохотно. Это может говорить о языковых изменениях, которые вытесняют *де* из речи носителей. Однако рассмотрим употребленные контексты повнимательнее: из 12 представленных примеров 2 употребляются в контексте киноречи (6), 3 в речи диалектоносителей (7) и только 7 оставшихся примеров можно

действительно приписать современному употреблению данного ксенопоказателя:

- 6) *Не к тому ли клонишь / что Потёмкин-де мало забот во флот вкладывает?* [Адмирал Ушаков, к/ф (1953)] (НКРЯ).
- 7) *Баптисты / они не берут в руки оружия / они никого не убивают и в руки не берут оружие. Вот идет милиция за ним / он-де в армию не пошел. А почему в армию не пошел? А приехал на калым / на заработки / он не пошел в армию / его забрали. Он отсидел / лучше я буду / чем в армии / оружие / стрелять* [О староверах (беседа филолога с информантом)] (НКРЯ).
- 8) *Значит/ люди/ которые занимаются профессионально журналистикой расследований/ должны-де брать с Вас пример. Вот недавно взял с Вас пример господин Левкович/ опубликовав сведения о дне рождении/ да выяснилось/ не той/ да не там/ да не тогда. Алексей Навальный взяли и повторил* (НКРЯ).

Получается, что даже для речи информантов среднего и старшего возраста не характерно употребление этого МР. Все это еще раз подтверждает высказанную ранее мысль о выходе *де* из употребления.

Неожиданным стало редкое употребление молодыми людьми маркера ренарратива *дескать*. Можно сделать вывод, что речи молодежи *дескать* не свойственно, однако говорить о том, что оно устаревает, пока преждевременно, так как люди среднего и старшего возраста активно употребляют данный МР.

Ксенопоказатели *такой* и *типа* можно считать единицами молодежного жаргона, так как вне его они употребляются крайне редко. Ср. употребление в речи молодых людей ксенопоказателей *такой* (11 из 12 примеров – 92 %) и *типа* (31 из 41-го примера – 76 %):

- 9) [Света, жен, 19] *Мы ей звоним / говорим / «Выходи! Потому что / ну прикинь / ты чё / там одна будешь тусить?» Она **такая** / «Да / да / щас выхожу». И мы стояли ее ждалипесят минут! А телефон она выключила* (НКРЯ);
- 10) [жен, 67] *она говорит *Н хороший спокойный человек **такой** / *Н **типа** это самое / без вредных привычек говорит ...*(ОРД);

- 11) [муж, 27] *нет / ругаешь / но здесь ты яро ругаешь меня / тина ай-я-яй // (ОРД).*

Однако в случае с *тина* можно сказать, что данный МР проникает в речь других возрастных групп чуть больше, чем *такой*.

Таким образом, рассмотрев употребление некоторых маркеров ренарратива в речи разных возрастных групп, можно прийти к следующим выводам: 1) МР *де* устарел и выходит из употребления; 2) использование маркера *дескать* больше свойственно людям среднего и старшего возраста; 3) МР *такой* и *тина* принадлежат молодежному жаргону, однако иногда проникают и в речь людей более старшего возраста.

3. *Сфера употребления*

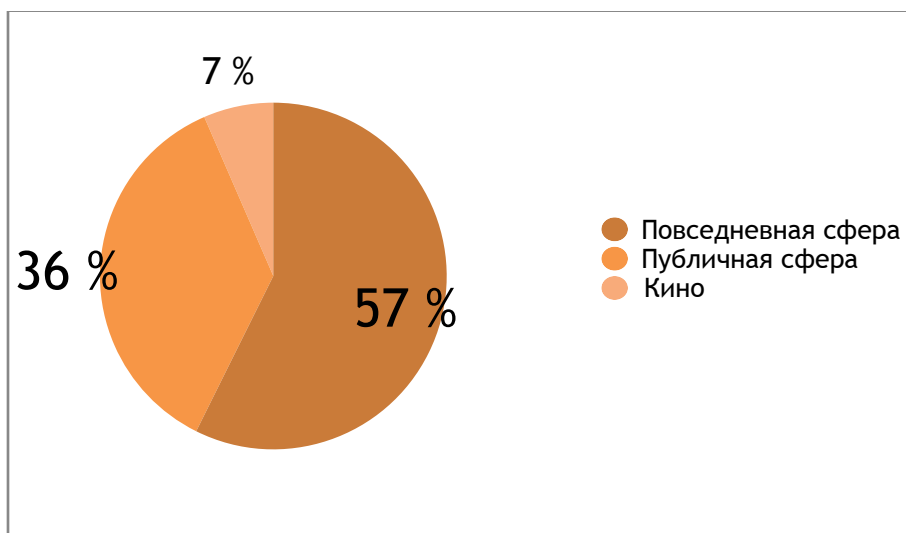
Употребление тех или иных языковых единиц зависит от сферы, в которой происходит речевое взаимодействие. *Повседневное общение* (основные жанры – разговор с друзьями, в кругу семьи, в магазине, рассказ об отдыхе и т. п.) предусматривает более свободное использование языковых средств, принадлежащих разным социальным и культурным пластам существования языка, ср.: «от современной разговорной речи в ее нейтральном слое невозможно (со стилистической точки зрения) отсечь обширный репертуар нелитературных и околотитературных – сниженно-обиходных, просторечно-профессиональных, жаргонных и полужаргонных средств» (*Винокур* 1988: 54); «Определение разговорной речи как непринужденной неофициальной речи горожан, *не ограниченной рамками литературности* (курсив мой. – А. С.), в большей мере соответствует реальному месту разговорной речи в системе общенационального языка» (*Сибирякова* 1996: 115). В повседневном общении могут сосуществовать элементы литературной разговорной речи, просторечия, разнообразных жаргонов (молодежного, профессионального и т. п.) и территориального диалекта. Можно сказать, что повседневная речь «мозаична»: из сочетания разнородных элементов складывается цельная

картина. Большее или меньшее влияние той или иной формы существования языка зависит от социальных характеристик человека: уровень образования, происхождение, профессия, возраст и т. д. (см. об этом подробнее: *Русский язык...* 2016). Повседневная речь более спонтанна. *Публичная речь* (основные жанры – интервью, дискуссии, лекции и т. д.) более привержена нормам литературного языка. Публичная речь тоже бывает спонтанной (в интервью или дискуссиях речь говорящего является реакцией на высказывание собеседника), но бывает и подготовленной (например, в лекциях). Заметим, что повседневная речь подготовленной быть попросту не может.

Отдельно в настоящем исследовании была выделена речь кино. Это обусловлено тем, что нельзя отнести ее ни к речи повседневной (так как она не спонтанна), ни к речи публичной (так как зачастую она протекает в ситуациях повседневного общения). Хотя некоторые исследователи считают, что «речь кино можно рассматривать как точную имитацию устной речи» (*Гришина, Савчук 2009: 144*), мы будем придерживаться того мнения, что речь в кино – это не естественная повседневная речь, а представление сценариста/режиссера/актера о том, какой должна быть эта самая речь.

Ниже на рис. 5 приведено распределение примеров из нашего пользовательского корпуса по сферам их употребления. Исходя из информации, представленной на рисунке можно сделать вывод, что чаще всего ксенопоказатели употребляются в повседневной речи.

Рис. 5. Зависимость использования маркеров ренарратива от сферы их употребления

Попробуем далее определить перечень ксенопоказателей, характерных для каждой сферы употребления (см. табл. 5).

Зависимость употребления маркеров ренарратива от сферы их употребления

	Повседневная сфера	Публичная сфера	Кино
<i>Мол</i>	38 (58%)	22 (34%)	5 (8%)
<i>Дескать</i>	6 (12%)	33 (65%)	12 (23%)
<i>Де</i>	4 (33%)	5 (42%)	3 (25%)
<i>Грит</i>	6 (50%)	6 (50%)	-
<i>Типа</i>	48 (83%)	9 (15%)	1 (2%)
<i>Такой</i>	32 (100%)	-	-
<i>Вроде того (что)</i>	3 (75%)	1 (25%)	-
<i>Ах! Ой! А!</i>	17 (59%)	12 (41%)	-
<i>Вот</i>	3 (75%)	1 (25%)	-
<i>Так и так</i>	5 (83%)	1 (17%)	-
<i>Так</i>	4 (57%)	3 (43%)	-
<i>Якобы</i>	16 (38%)	26 (62%)	-
<i>Контаминации</i>	29 (67%)	14 (33%)	-

Таблица 5 демонстрирует, что для повседневной сферы больше всего характерны маркеры ренарратива *типа* и *такой*. Это можно объяснить жаргонизированностью этой сферы. Употребление же *типа* в публичной речи говорит о не такой жесткой регламентации этой сферы по сравнению с СССР (Долинин 2004: 616-619).

- (12) [Д. Медведев, муж] *Американцы/ за что их / кстати / очень часто упрекают / типа они там косные / значит / и не хотят знакомиться с другой культурой / но восемьдесят процентов американцев отдыхают внутри Соединённых Штатов Америки* (НКРЯ, публ.);
- (13) *Ну / например / там / у Канта была такая хохма / однажды его спросили / «Почему ты думаешь / grit / что пространство и время / это формы чувственного созерцания априорные»? А он grit / «А типа*

там / закройте глаза / и у вас останется только время и пространство / а вещей не будет» (НКРЯ, публ).

Пример (12) показывает, что язык СМИ, как и язык первых лиц государства, как и язык всех жителей города вне зависимости от их образования, подвержен процессу жаргонизации²⁸. Он проникает даже в научные по тематике тексты (см. пример (13)). Употребление контаминаций в повседневной речи может указывать на ее бóльшую спонтанность по сравнению с публичной речью, так как нанизывание маркеров ренарратива предоставляет говорящему время для формулирования своей мысли (ср. употребление контаминаций в публичной речи связано с ситуацией спонтанного порождения речи).

(14) [Комментатор, муж] *Это Лусио / центральный защитник / и показывает [нрзб] / что / мол / дескать / давай выбивай туда в поле подальше* (НКРЯ, публ.).

Активное употребление маркера *дескать* в публичной речи может быть связано со способностью данного МР приобретать полемический характер, а бóльшую часть публичной сферы занимают дискуссии, где эта характеристика может пригодиться. *Дескать* в повседневной речи не так употребительно, возможно, потому, что этот МР имеет там свои аналоги: *ах* и *такой* также способны приобретать полемический характер в определенных контекстах.

В киноречи преобладает использование МР *дескать*, и это, вероятно, связано с конфронтационным характером этой частицы. Участвуя в сценах конфликтов, споров и сплетен, она помогает создавать динамику кинокартины и двигать сюжет вперед:

(15) *Приходит один раз из клуба... и... маячит мне / я / дескать / жениха приведу. Я говорю / щас тебе такого жениха приведу / что ты неделю сидеть не сможешь* [Ваш сын и брат, к/ф (1965)] (НКРЯ).

---

²⁸ Ср. термин *общий жаргон* в: Хорошева 2002. Об этом см. также: Крысин 2002.

Представление, что для имитации устной речи персонажей в пьесах и кино используются «те особенности, которые сразу опознаются на слух и ‘бросаются в глаза’ в письменном тексте» (Гришина, Савчук 2009: 145), на нашем материале не подтвердилось. Так, употребление *такой* и *типа* в функции МР практически не отражено в речи кино, хотя в живой устной речи их употребление широко распространено.

Таким образом, можно сказать, что повседневная речь жаргонизирована, но и в речь публичную проникают элементы жаргона. Однако в речи кино этот процесс практически не отражен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ употребления маркеров ренарратива в устной спонтанной речи, проведенный в настоящем исследовании, позволил сделать следующие выводы:

- 1) исследуемые единицы могут как встраиваться в традиционные конструкции с прямой, косвенной, так и использоваться самостоятельно;
- 2) на основе анализа литературы по данному вопросу и анализа функционирования маркеров чужой речи в корпусном материале был сделан вывод о том, что употребление *мол*, *де* и *дескать* в устной спонтанной речи не отличается от их употребления в речи письменной (за исключением не вполне исследованного использования *дескать* вместо *так сказать*);
- 3) частица *де*, вероятно, уже уходит из употребления;
- 4) одни единицы (*дескать*, *вот*) более склонны приобретать модальные значения, другие (*мол*, *грит*) – менее; так или иначе, это в большей мере зависит от контекста (за исключением тех маркеров ренарратива, у которых экспрессивно-оценочная коннотация является основой значения – *ах*, *видите ли*);
- 5) некоторые маркеры ренарратива «ощущают себя» вполне свободно в чужой речи, то есть могут стоять в любом ее месте или даже многократно повторяться (как *грит*, *типа*), другие могут употребляться только непосредственно перед ЧР (*так и так*, *такой*);
- 6) маркеры ренарратива имеют тенденцию к удлинению конструкций (*типа – типа того что – типа того что блин*), так они берут на себя еще и функцию хезитатива; существование такой тенденции подтверждает также довольно широкое употребление контаминаций маркеров передачи чужой речи;

- 7) удлинение конструкций ксенопоказателей может иметь также ритмообразующую функцию;
- 8) употребление таких нетрадиционных маркеров ренарратива, как *такой*, *типа* и под., появившихся в устном употреблении сравнительно недавно, свойственно также и речи письменной, хоть и в гораздо меньшей степени;
- 9) мужчинам более свойственно употреблять *дескать*, чем женщинам, в то время как женщины употребляют *такой* чаще мужчин;
- 10) использование маркера *дескать* больше свойственно людям среднего и старшего возраста;
- 11) МР *такой* и *типа* принадлежат молодежному жаргону, однако иногда проникают и в речь людей более старшего возраста;
- 12) повседневная речь жаргонизирована, однако можно также говорить, что и в публичную сферу проникают жаргонные элементы
- 13) в речи кино процесс жаргонизации отражен мало.

В результате проведенного анализа маркеры ренарратива были классифицированы по трем параметрам: а) синтаксические особенности употребления; б) особенности функционирования; в) дополнительное прагматическое «отягощение». Это помогло систематизировать полученные результаты.

Инвентарь средств для передачи чужой речи оказался гораздо больше, чем описано в словарях, грамматиках и научной литературе, следовательно, эта область нуждается в более глубоком исследовании и кодификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЗКРЯ	– Звуковой корпус русского языка
КР	– косвенная речь
МР	– маркер ренарратива
МЧР	– маркер чужой речи
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
НСПР	– несобственно-прямая речь
ОРД	– «Один речевой день», блок Звукового корпуса русского языка
ППР	– полупрямая речь
ПР	– прямая речь
САТ	– Сбалансированная аннотированная текстотека, блок Звукового корпуса русского языка
ТР	– тематическая речь
УП	– устный подкорпус
ЧР	– чужая речь

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 153 с.
2. *Арапов М. В.* Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 151.
3. *Арутюнова Н. Д.* Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 40-52.
4. *Арутюнова Н. Д.* Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 414-416.
5. *Арутюнова Н. Д.* Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке: сб. статей / Под общ. рук. и ред. *Н. Д. Арутюновой*. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437-452.
6. *Баранов А. Н.* Заметки о дескать и мол // Вопросы языкознания. – 1994, № 4. – С. 114-124.
7. *Барон Б.* «Закрытое общество»: Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной среде? // Гендер и язык / Пер. *М. В. Томской*. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 511-538.
8. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 315 с.
9. *Бельчиков Ю. А.* Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 402.
10. *Богданова Н. В.* Типология спонтанных монологов в устной и письменной формах речи // Фонетические чтения. К 100-летию Л. Р. Зиндера. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. – С. 214-217.
11. *Богданова Н. В.* Ритмообразующие средства русской спонтанной речи (к постановке проблемы) // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривновой / Под ред. *А. В. Архипова, И. М. Кобозевой* (отв. ред.), *Кс. П. Семёновой*. – М., ООО «Буки-Веди». 2013. – С. 25-34.
12. *Богданова Н. В., Бродт И. С.* О способах передачи чужой речи (на материале звукового корпуса русского языка) // Материалы XXXVII международной филологической конференции. Выпуск 21. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы

- естественных языков. 1015 марта 2008 года / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 316.
13. Богданова Н. В., Пальшина Д. А. Редуцированные формы русской речи: о разных моделях языковой эволюции // Человек говорящий: исследования XXI века. К 80-летию со дня рождения Лии Васильевны Бондарко. Монография / Отв. ред. Л. А. Вербницкая, Н. К. Иванова. Иваново: Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2012. – С. 51-59.
  14. Богданова-Бегларян Н. В. Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. Научный рецензируемый журнал. – 3 (45). Июль – Август – Сентябрь. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2014. – С. 252255.
  15. Богданова-Бегларян Н. В. Новый материал – новые термины // XLIV Международная филологическая конференция 10-15 марта 2015 года. Тезисы. – СПб., 2015. – С. 557-558.
  16. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Кислощук А. И. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. Вып. 2 (22). – С. 717.
  17. Бокадорова Н. Ю. Универсальные грамматики // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 536-537.
  18. Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: сб. статей. – М.: Прогресс, 1984. – С. 21-49.
  19. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
  20. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
  21. Виноградов В. В. Литературный язык // В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 288-297.
  22. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
  23. Винокур Т. Г. Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. Сборник

- научных трудов / Ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская*. – М.: Наука, 1988. – С. 4484.
24. *Винокур Т. Г.* Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. – С. 135.
  25. *Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998б. – С. 310.
  26. *Гаврилова Т. О.* Регистр общения с детьми в русском языке: некоторые особенности синтаксиса // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сборник статей. Выпуск 2. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. – С. 305–313.
  27. *Грамматика русского языка*: В 2-х т. Том I. Фонетика и морфология. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 720 с.
  28. *Гриценко Е. С.* Язык как средство конструирования гендера // Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 48 с.
  29. *Гришина Е. А., Савчук С. О.* Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 129-149.
  30. *Гухман М. М.* Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 270-271.
  31. *Долинин К. А.* Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания филолог. фак. С.-Петерб. гос. ун-та / Ред. *Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, А. В. Бондарко* [и др.]. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – С. 607-620.
  32. *Евграфова С. М.* Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Памяти Михаила Алексеевича Шелякина. – Тарту: Тарт. ун-т, 2014. – С. 248–260.
  33. *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 279 с.

34. *Зализняк Анна А.* Спонтанная письменная речь // Русская семантика в типологической перспективе. – М.: Языки славянской культуры. – С. 488-491.
35. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
36. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
37. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
38. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.
39. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
40. *Золотова Е. С.* Естественная письменная речь как источник изучения профессиональной языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – 2011, № 24 (239). – С. 226–228.
41. *Зырянова, Е. Г.* Частная записка как жанр естественной письменной русской речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 23 с.
42. *Инфантова Г. Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. – Ростов на Дону: Ростовский гос. пед. ин-т, 1973. – 113 с.
43. *Каксин А. Д.* Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования. – 2014, № 1. – С. 252–259.

44. *Камю Р.* Мол, дескать, -де: чужая речь в чужом языке // Проблемы интенсивного обучения неродным языкам (материалы первой международной научно-методической конференции, 27–28 мая 1992 г.), Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – СПб.: Образование, 1992. – С. 52–57.
45. *Кибрик А. Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. – М.: МГУ, 1977. – 346 с.
46. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации // Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2000. – 40 с.
47. *Кирилина А. В.* Феминистская критика языка // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. – С. 232-234.
48. *Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7-30.
49. *Кислощук А. И.* Слово *вот* как одна из условно-речевых единиц звучащего текста (к вопросу о речевых автоматизмах) // Дипломная работа. – СПб., 2013. – 99 с. (машинопись)
50. *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994, № 3. – С. 92-105.
51. *Колодезнев В. М.* О значении частиц мол, де, дескать // Русский язык в школе. — 1969, № 1. — С. 90-92.
52. *Коптев М. В.* Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. – СПб.: Наука, 2014. – С. 712-740.
53. *Коттхофф Х.* Гендерные исследования в прикладной лингвистике // Гендер и язык / Пер. М. В. Томской. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 563-623.
54. *Крейдлин Г. Е.* Стереотипы возраста // Wiener Slawistischer Almanack. – № 37, 1996. – С. 207-218.
55. *Кронгауз М. А.* Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М.: Индрик, 1996. – С. 510–525.

56. *Крысин Л. П.* О русском языке наших дней // *Изменяющийся языковой мир.* – Пермь: ПГТУ, 2002. – С. 47-54.
57. *Крысин Л. П.* Молодежный жаргон // *Русское слово, свое и чужое.* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 372-376.
58. *Крючков С. Е. Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., Просвещение, 1977. – 188 с.
59. *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 398 с.
60. *Лаптева О. А.* Разговорная речь // *Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой.* – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 407-408.
61. *Лебедева Н. Б.* Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // *Актуальные проблемы русистики / Отв. ред. Т. А. Демешкина.* – Томск: Томский гос. ун-т, 2000. – С. 257-263.
62. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект исследования // *Вестник БГПУ: Гуманитарные науки.* – Барнаул, 2001. Выпуск 1. – С. 410.
63. *Лебедева Н. Б.* Толерантность и естественная письменная речь // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / Отв. ред. И. А. Купина, М. Б. Хомяков.* – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2003. – С. 286-296.
64. *Лебедева Н. Б.* «Спонтанность» как конституирующий признак естественной письменной речи // *Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Язык. Культура. Образование».* – 2006а, № 123, декабрь. – С. 122-132.
65. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // *Антропотекст-1: Сборник статей / Отв. ред. Л. Г. Ким.* – Томск: Томск. гос. ун-т, 2006б. – С. 295-303.
66. *Лебедева Н. Б.* Жанры естественной письменной речи // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.* – М.: Лабиринт, 2007. – С. 116-124.
67. *Лебедева Н. Б., Кудачова Т. Н., Небольсина М. С., Панасенко М. В.* Естественная русская речь: сбор, обработка, паспортизация материала // *Вестник БГПУ: Гуманитарные науки.* – Барнаул, 2001. Выпуск 1. – С. 1015.

68. *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Выпуск 9 (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284-289.
69. *Литневская Е. И.* Письменные формы русской разговорной речи в аспекте интеграции подходов стилистики, ортологии, коллоквиалистики и семиотики [Электронный ресурс] // www.ruslang.ru/doc/news_litnevskaja_2010.pdf.
70. *Максимова Н. В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – М., РГГУ, 2005. – 316 с.
71. *Милых М. К.* Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, РГУ, 1975. – 212 с.
72. *Михайлова О. А.* Жизнь чужого слова в живой речи горожан // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. *Т. В. Матвеева*. — Екатеринбург: АРГО, 1996. — С. 153-167.
73. *Падучева Е. В.* Показатели чужой речи: мол и дескать // Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. – 2011, № 3. – С. 13-19.
74. *Плаксина Н. Ю.* Маргинальные страницы тетрадей как жанр естественной письменной русской речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 22 с.
75. *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
76. *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие / *B. Wiemer & V. A. Plungjan* (eds). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. – München: Sagner, 2008. – S. 285–311.
77. *Плунгян В. А.* Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. – СПб.: Нестор-История, 2011а. – С. 142-145.
78. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011б. – 672 с.

79. *Подлеская В. И.* «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2017 г.). Выпуск 16 (23). – М.: РГГУ, 2017. – В печати.
80. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Выпуск 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. – С. 390-396.
81. *Поливанов Е. Д.* Русский язык как предмет грамматического описания // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 54–66.
82. *Попова Т. И.* Конструкция-редупликат «то (...) сё»: функционирование в устной речи // XVIII Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 6-11 апреля 2015 г.: Сборник материалов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – С. 27-28
83. *Попова Т. И.* ТАК-СЯК и ТО-СЁ как маркеры-аппроксиматоры в русской устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог-2017». Студенческая сессия. – М.: РГГУ, 2107. – В печати.
84. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
85. *Рабжаева М. В.* Андроцентризм // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. – С. 9-10.
86. *Рахилина Е. В.* Предисловие составителя // Лингвистика конструкций. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 13-16.
87. *Серебренников Б. А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – С. 451-501.
88. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17 / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой

- и *В. З. Демьянкова* / Под ред. *Б. Ю. Городецкого*. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.
89. *Сибирякова И. Г.* Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // *Русская разговорная речь как явление городской культуры* / Отв. ред. *Т. В. Матвеева*. – Екатеринбург: Арго. – С. 115-135.
90. *Сиротинина О. Б.* Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // *Вопросы социальной лингвистики*. – Л.: Наука, 1969. – С. 373-391.
91. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Знание, 1974. – 260 с.
92. *Скрбнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1985. – 210 с.
93. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. *А. Сухотина*. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
94. *Сухотерина Т. П.* Поздравительная открытка как жанр естественной письменной речи // *Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции (22-24 сентября 2004 г.)*. Т. 2. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2004. – С. 109-113.
95. *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге // *Гендер и язык* / Пер. *О. А. Васьковой*. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 235-510.
96. *Тесленко О. А.* Русская «естественная» письменная речь: лексический аспект [Электронный ресурс] // <http://jurnal.org/articles/2014/fill4.html>.
97. *Тюкаева Н. И.* Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 229 с. (машинопись).
98. *Хорошева Н. В.* Русский общий жаргон: к определению понятия [Электронный ресурс] // *Изменяющийся языковой мир*. – Пермь: ПГТУ, 2002. <http://www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.htm> (2017).
99. *Шведова Н. Ю.* Построения с модальными частицами // *Русская грамматика*. Т. II. – М.: Наука, 1980. – С. 224-226.
100. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку*. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 113-129.

101. *Юркевич А. С.* Деловая тетрадь как разновидность естественной письменной речи в кругу смежных явлений // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации. – 2006, № 120, декабрь. – С. 42-47.
102. *Юркевич А. С.* Записная книжка как жанр естественной письменной речи // Русский язык: Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 420-421.
103. *Юркевич А. С.* Ежедневник как жанр естественной письменной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2011. – 23 с.
104. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Пер. с англ. / *О. Г. Ревзина* (сост.). Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
105. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Л. П. Якубинский.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.
106. *Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology* // *Advances in Discourse Processes XX* / Ed. by *W. Chafe, J. Nichols*. – Norwood, New Jersey, 1986. – 346 p.
107. *Hirschauer St.* Deconstruction und Reconstruction. Pladöyer für die Erforschung des Bekannten // *Feministische Studien*. – 1993, N 2. – S. 55-68.
108. *Kotthoff H.* Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Sotiolinguistik // *S. Günthner, H. Kotthoff* (Hrg): Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen. – Stuttgart, 1992. – S. 126-147.
109. *Lakoff R.* Language and Women's Place // *Language in Society*. – 1973. N 2. – Pp. 45-79.
110. *Leet-Pellegrini H.* Conversational Dominance as a Function of Gender and Expertise // *Language: Social Psychological Perspectives* / *Giles H. R., Peters W., Smith P. M.* – Oxford: Oxford University Press, 1980. – Pp. 97-104.
111. *Llamas C.* Age // *The Routledge Companion to Sociolinguistics*. – Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – Pp. 69-77.
112. *Maltz D. N., Borker R.* A. Mißverständnisse zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // *S. Günthner, H. Kotthoff* (Hrsg) Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im

Kulturvergleich. – Frankfurt am Main, 1991. – S. 52-74.

113. *Samel I.* Einführung in die Feministische Sprachwissenschaft. – Berlin: Erich Schmidt, 1995. – 244s.
114. *Tannen D.* You Just don't Understand. Women and Men in Conversation. – N. Y.: Ballantine book, 1990.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. – М-Л.: Наука, 1950-1965.
4. *Словарь русского языка:* в 4 т. / Под. ред. *А. П. Евгеньевой.* – М.: Русский язык, 1999.
5. *Толковый словарь русского языка:* в 4 т. / Под ред. *Д. Н. Ушакова.* – М.: Альта-Принт, 2005.
6. *Фразеологический словарь русского языка /* Под ред. *А. И. Молоткова.* – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.
7. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.